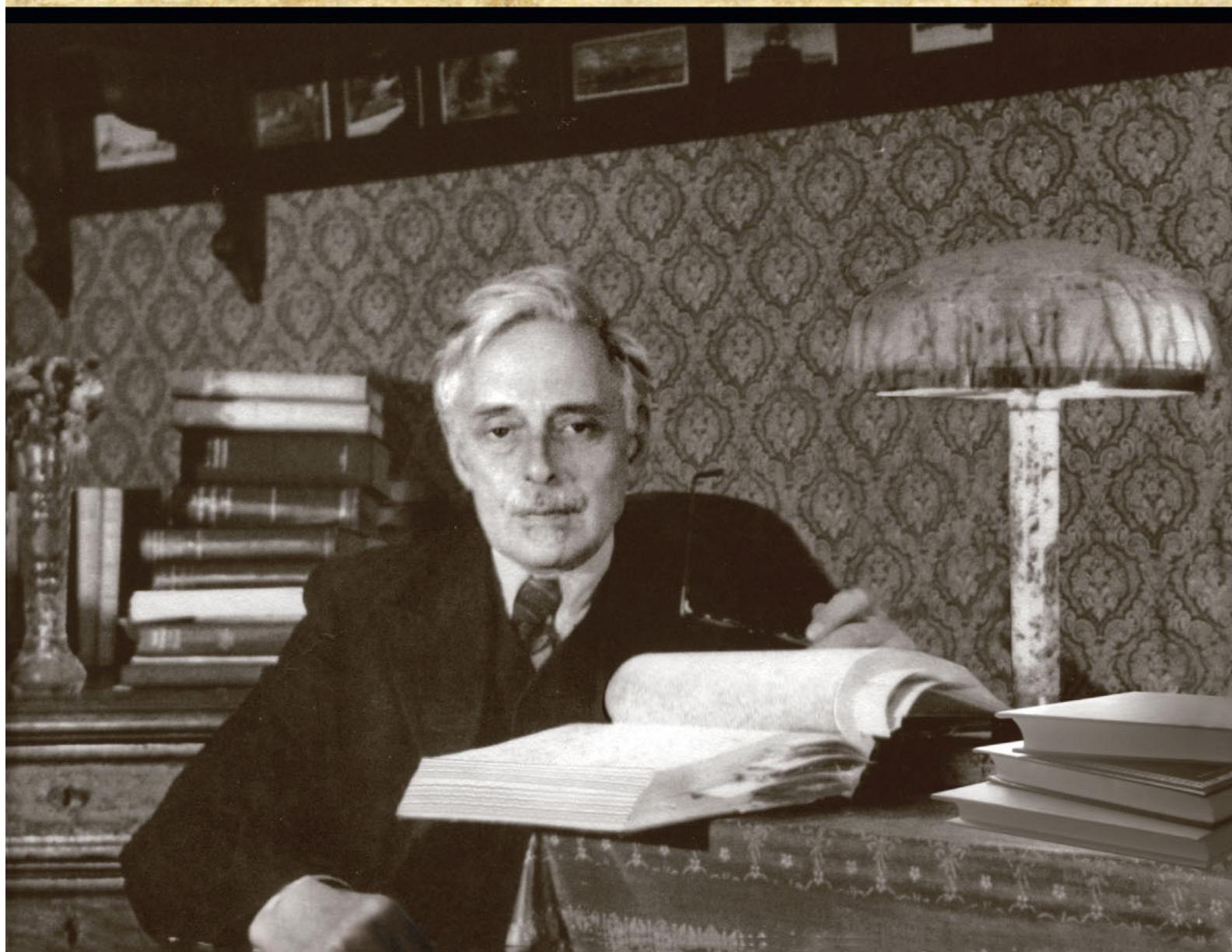

НЕИЗВЕСТНЫЙ В. Я. ПРОПП

Древо жизни

Дневник старости

Владимир Пропп

**Неизвестный В.Я. Пропп.
Древо жизни. Дневник старости**

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Пропп В. Я.

Неизвестный В.Я. Пропп. Древо жизни. Дневник старости /
В. Я. Пропп — «Алетейя»,

ISBN 978-5-89329-512-2

В книгу включены не широко известные научные труды В. Я. Проппа (1895–1970) – крупнейшего фольклориста, одного из классиков гуманитарной науки XX века, а его литературные произведения, часть эпистолярного наследия и дневник последних лет жизни. Впервые публикуемые автобиографическая повесть «Древо жизни», стихи и переписка с другом В. С. Шабуниним раскрывают истоки сложения и развития неординарной личности, формирование многогранных интересов В. Я. Проппа, исследования которого оказали сильнейшее влияние на мировую филологическую науку. «Дневник старости», поражающий открытостью и искренностью, отражает нравственные переживания текущей и прошлой жизни, бескомпромиссность научных позиций, душевное благородство замечательного ученого. В Приложении помещены воспоминания о В. Я. Проппе его коллег и учеников. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-89329-512-2

© Пропп В. Я.
© Алетейя

Содержание

Предисловие	7
В. Я. Пропп	20
Древо жизни	20
Часть первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Неизвестный В. Я. Пропп

Предисловие, составление

А. Н. Мартыновой

В. Я. Пропп, 30-е годы

Предисловие, составление А. Н. Мартыновой

Подготовка текста, комментарий А. Н. Мартыновой, Н.А. Прозоровой

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© А. Н. Мартынова – предисловие, 2002

© А.Н. Мартынова, Н.А. Прозорова, комментарий, 2002

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Предисловие

Книгу мы не случайно назвали «Неизвестный В. Я. Пропп»: в ее состав включены не научные, широко известные филологической науке труды ученого, а его литературные произведения, часть эпистолярного наследия и дневник последних лет жизни.

Архив В. Я. Проппа после его кончины был передан родственниками ученого в дар Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Личный фонд В. Я. Проппа (№ 721) содержит рукописи его научных работ и учебно-методических пособий, литературных трудов, документы к биографии, обширную переписку.

В данное издание включена его повесть «Древо жизни», обладающая несомненными художественными достоинствами, написанная добротным русским языком.

В фонде хранятся также рукописи рассказа «Воля»¹, стихов на немецком языке, литературных опусов в записных книжках.

Повесть «Древо жизни» В. Я. Пропп начал писать в 1932 г. Дата завершения ее неизвестна, поскольку в архиве сохранилась лишь часть произведения. Она охватывает период жизни главного героя с раннего младенчества до 1916 г. Герой повести носит имя Федя, сопоставления с записями в дневнике, записными книжками и личными документами позволяют совершенно определенно установить, что автор описывает свою семью, свое детство и юность. Сохранившееся оглавление повести позволяет также предположить, что она имела продолжение и охватывала годы революции и Гражданской войны. Но судьба этой части рукописи не установлена. Вероятно, она была уничтожена.

Содержание – описание жизни человека от младенчества до юности, ее хронология 1901–1916 гг. Повесть интересна сама по себе, но особая ее ценность состоит в том, что она автобиографична. Мы не будем сопоставлять содержание повести с реальными фактами жизни В. Я. Проппа. Читатель может убедиться в этом сам, прочитав «Переписку» и «Дневник».

Конечно, повесть – художественное произведение, и не стоит каждый ее эпизод сопоставлять с фактами реальной жизни В. Я. Проппа, но есть все основания считать, что вымысел почти полностью отсутствует в этом произведении. Это произведение – повесть-воспоминание почти сорокалетнего человека о своем детстве и юности. В повести мало событий, основное ее содержание – становление, формирование личности, сложение мировосприятия, поиски места в жизни, воспитание своей души интеллигента XX века. А если этот интеллигент – всемирно известный ученый, труды которого оказали сильнейшее влияние на мировую филологическую науку, если он прекрасный педагог, профессор, воспитавший десятки учеников, которые навсегда сохранили к нему уважение и любовь, если это человек, обаяние которого испытали на себе все, кто знал его, то естественно желание понять истоки сложения неординарной личности, формирование богатейшего внутреннего мира, душевного благородства и силы воли В. Я. Проппа.

И представляется, что книга поможет глубже понять замечательного ученого не только тем, кто знаком лишь с его трудами, но и тем, кто знал его лично, поскольку в жизни он был сдержан, скромнен и несколько замкнут. В документах, включенных в данную книгу, он предельно откровенен. Откровенен и в повести, написанной в начале 1930-х гг., и в переписке с другом (1953–1970), и в «Дневнике старости...» (1962–1970).

В книгу включена переписка В. Я. Проппа с его другом Виктором Сергеевичем Шабуниним, военным врачом и художником. Они были очень близки, и в переписке раскрывается еще одна сторона внутренней жизни Владимира Яковлевича: его верность дружбе, теп-

---

¹ Рассказ недавно опубликован: *Пропп В. Воля. Рассказ / Послел., публ. и примеч. А. В. Малинова // Нева, 1998. № 10. С. 127–131.*

лое, заботливое отношение к другу, его готовность прийти на помощь, отсутствие эгоизма. Их дружба началась в юности, а после перерыва возобновилась в 1950-е гг. и продолжалась до кончины Владимира Яковлевича. Письма являются прекрасным дополнением к, возможно, самому потрясающему документу в фонде – дневнику В. Я. Проппа последних лет его жизни. На первой странице рукописи написано «Дневник старости. 1962-196...»². Такой срок жизни отвел себе Владимир Яковлевич. Ошибся он не на много, на один год. Последняя запись в дневнике сделана 25 июля, а 22 августа 1970 г. в больнице им. Ленина (теперь Покровская больница) он скончался.

В кратком предисловии не будем останавливаться на анализе научных трудов В. Я. Проппа, отослав читателя к литературе, посвященной ему в России и за рубежом³. Столетний юбилей ученого, отмеченный в 1995 г.

Международной конференцией⁴, многочисленными публикациями, относящимися к научному наследию В. Я. Проппа, явились свидетельством всемирного признания ученого и вызвали новую волну интереса к его трудам и личности. Немаловажную роль в этом сыграли публикации материалов, относящихся к биографии В. Я. Проппа: его «Дневника старости»⁵, автобиографии, воспоминаний о нем учеников и коллег⁶ и др. Однако необходимо хотя бы кратко напомнить биографию В. Я. Проппа, а поскольку это биография *ученого*, придется коснуться истории и судьбы его основных трудов.

Владимир Яковлевич Пропп родился 16 апреля 1895 г. в Санкт-Петербурге. Крещен пастором Артуром Мальмгренем Евангелическо-лютеранского прихода Св. Анны и наречен Герман Вольдемар. Его отец, Иоанн Яков Пропп, выходец из немецкой колонии Саратовской губернии, занимал должность доверенного торгового дома «Братьев Шмидт», снабжавшего мукой все немецкие булочные столицы. В начале века, когда Владимир Пропп учился в школе, его отец купил небольшое поместье в Саратовской губернии – хутор Линево с большим садом, домом, пахотной землей, прудом, хозяйственными постройками, лесом. У них были свои лошади, коровы, домашняя птица. После покупки имения и до революции вся семья выезжала на лето в поместье в Саратовскую губернию. Отец Владимира Яковлевича скончался в 1919 г. Его мать Анна Елисавета (в девичестве Бейзель) вела дом и занималась воспитанием детей. Их было шестеро: три сына и три дочери. Родители были женаты вторым браком. От первого брака у отца был сын, у матери дочь. Общих детей было пятеро (Вольдемар, Евгения, Роберт, Эмилия, Элла). Скончалась Елизавета Фридриховна Пропп в блокадном Ленинграде в 1942 г.

В раннем возрасте детей в семье нянчила русская старушка, которая пела над колыбелью будущего фольклориста колыбельные песни и, возможно, рассказывала сказки. О ней с

² «Дневник старости. 1962-196...» – переиздание с расширенным комментарием публикации: *Пропп В. Я. Дневник старости. 1962-196... г. / Вступительная статья Б. Н. Путилова. Публик. и примеч. А. Н. Мартыновой // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995, 1(3). С. 299–351.*

³ См.: Библиография трудов В. Я. Проппа / Сост. Б. Н. Путилов // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 16–25. Дополн.: *Еремшина В. И.* Книга В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки // *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.* Л., 1986. Изд. 2-е. С. 5. Дополн.: *Пропп В. Я.* Врубель и фольклор (Текст доклада. Набросок) / Публикация Л. М. Ивлевой // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. С. 238–256; см. также: *Пропп В. Я.* Поэтика / Публикация А. Н. Мартыновой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 3. СПб., 1996. С. 288–372; *Пропп Владимир.* Поэтика фольклора / Сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М., 1998. С. 5–23.

⁴ См.: *Адоньева С. Б., Герасимова Н. М.* Конференция «Наследие В. Я. Проппа в современной науке» // Живая старина. 1995, № 3; *Криза И., Каман Э.* Пропповская конференция в С.-Петербурге // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996, № 1; Материалы международной конференции, посвященной 100-летию В. Я. Проппа // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9, СПб., 1995. С. 164–332.

⁵ *Пропп В. Я.* Дневник... С. 300–350; *Пропп В. Я.* Автобиография. Там же. С. 299–300; *Мартынова А. Н.* Личный фонд В. Я. Проппа в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. С. 168–172.

⁶ См.: Живая старина, 1955, № 3; Кунсткамера. 1995, Вып. 8–9; Ежеквартальник русской филологии, 1955, 1 (3). Все эти материалы воспроизводятся в данной книге.

большой теплотой в старости вспоминал Владимир Яковлевич. Так, с детства он запомнил ее толкование значения глагола «жалеть», равное значению «любить». На семинаре однажды он сказал: «В старинных русских песнях почти не встречается слово “любить”. В них есть слово “жалеть”. Но “жалеть” и значит “любить”». Совершенно противоположные чувства вызвала у Воли (так его звали в семье) Проппа первая гувернантка. Несмотря на то, что семья его не была богатой, родители нанимали гувернанток для обучения детей не только французскому, но и немецкому языку. По-немецки они разговаривали с мамой, которая говорила на одном из немецких диалектов, по-русски с отцом и между собой, по-французски – с гувернантками. Бонны обучали детей также игре на фортепьяно и «манерам». В «Дневнике...» Владимира Яковлевича есть запись о том, что у него было счастливое детство, которое отравляла лишь гувернантка. Но были затем и другие, с которыми было полное взаимопонимание. Последняя прожила в семье Проппов несколько лет и была очень привязана к детям.

Среднее образование В. Я. Пропп получил в Анненском училище, а затем в 1913 г. поступил в Петербургский университет, где занялся изучением немецкой литературы. Но на третьем курсе он перешел на славяно-русское отделение. В одном из документов он следующим образом объясняет причины перехода: «В университете я занялся изучением немецкой литературы. Но влечение к России, явившееся отчасти как последствие отвращения к окружающей меня немецкой грубости и ограниченности, пробивалось все сильнее. К этому влекли и научные знания. С началом войны я перешел на Славяно-Русское отделение нашего факультета»⁷.

Когда началась Первая мировая война, студент Пропп готов был идти на фронт. Идти не для того, чтоб убивать, а для того, чтоб разделить судьбу сотен тысяч русских солдат, гибнущих на полях сражений. Но в то время студенты не подлежали мобилизации. Тогда Владимир Яковлевич принимает другое решение, о чем свидетельствует удостоверение 1915 г. о том, что он прошел обучение на шестинедельных курсах «подания первой помощи и ухода за больными», успешно сдал экзамены по анатомии, физиологии, хирургии и другим предметам. Закончив курсы, В. Я. Пропп добровольно стал работать в лазарете санитаром, а затем братом милосердия. Судя по записям в дневнике и повести «Древо жизни», он всей душой сострадал раненым, стараясь уменьшить их мучения. Ему приходилось мыть солдатам ноги, с которых клочьями отваливалась кожа, обрабатывать гнойные раны, выносить и мыть судна. Он пишет, что солдаты с невероятным мужеством переносили свои страдания и что именно тогда, общаясь с ними, он стал русским. Позднее он записал в дневнике: «22. IV. 1918 года был для меня одним из лучших в моей жизни. Была Пасха. Самая ранняя, какая может быть. Я смотрел на огни Исаакия с 7-го этажа лазарета в Новой Деревне. Тогда я любил Ксению Новикову. Она ходила за ранеными. Было Воскресение в природе, и моя душа воскресла от признания не только своего “я”. Где другой – там любовь. И она была другая, совсем другая, чем я. Я сквозь войну и любовь стал русским. Понял Россию» (Наст. изд. С. 289).

Историко-филологический факультет Петроградского университета В. Я. Пропп закончил в 1918 г. Несколько лет он преподавал русский и иностранные языки в гимназиях и средних школах Петербурга – Ленинграда, а с 1926 г. начал работать преподавателем немецкого языка в Политехническом институте, затем заведующим кафедрой иностранных языков в Плановом, кафедрой германской филологии во Втором педагогическом Институте иностранных языков. Одновременно в эти года В. Я. Пропп сотрудничает в Институте истории искусств, Институте этнографии АН, Географическом обществе, затем в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

И еще малоизвестный факт из биографии В. Я. Проппа.

⁷ Цит. по изд.: Бовкало А. А., В. Я. Пропп и Петроградский богословский институт // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб., 1995. С. 174.

2 апреля 1921 г. В. Я. Пропп подает прошение о зачислении на первый курс Петроградского богословского института, который был открыт в апреле 1920 г. Институт просуществовал всего три года и сделал один выпуск⁸. Он был призван не только готовить убежденных церковных деятелей и пастырей, но и выполнять широкие просветительские задачи: устраивать общедоступные богословские лекции, руководить религиозными кружками и курсами, разрабатывать богословские и церковно-практические вопросы. В институте преподавали не только известные богословы, но и многие видные ученые, в него принимали мужчин и женщин, без ограничения возраста. Занятия проходили по вечерам, чтобы лекции могли посещать и те, кто днем был занят на работе.

Владимир Яковлевич в это время преподавал русский язык и историю русской и зарубежной литературы в XI трудовой школе 11-й ступени.

Это удивительное прошение о зачислении откровенно так же, как откровенен дневник и повесть. В нем В. Я. Пропп пишет: «В школе никаких интересов к религии еще не проявлял. Сильно увлекался немецким романтизмом. В связи с этим явился крайний индивидуализм и утверждение в себе. Однако смутная тоска и искание выхода из плена своей души служили выходом для будущих прорывов. К тому же и религиозный элемент романтизма и интерес к идеалистической философии XIX в. оказали свое влияние. Я вышел из школы с предрасположением к мистике <...>. С началом войны <...> я поступил в санитары при одном из лазаретов. Общение с некоторыми солдатами в связи с внутренними потрясениями и сознанием безысходности моего душевного состояния привели меня к церкви. К этому еще раньше я был подготовлен чтением сочинений Соловьева». Затем Владимир Яковлевич пишет, что книга П. Флоренского⁹ «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» (М., 1914) произвела на него «почти одурманивающее действие», а чтение Посланий Иоанна и его же Евангелия навсегда перевернули его жизнь, что он читал поучения преподобного Серафима Саровского¹⁰, а иконопись стала для него откровением: в ней он увидел внутреннюю душевную форму, которая была нужна ему. Далее В. Я. Пропп сообщает о себе: «Однако по окончании университета жизнь стала слагаться печально (1918 г. – А. М.), и я все глубже погружался в серую безысходность, усиленную сознанием невозможности *отвратить народные бедствия* (выделено мной. – А. М.). Были и другие причины отчаяния (свое происхождение, отсутствие русских корней)».

Назвав изложенную причину субъективной, В. Я. Пропп называет и объективную: необходимость для него личного участия в строительстве новой духовной и церковной культуры. Он пишет, что понял, чем должна явиться Церковь по отношению к индивидууму – устройством всех форм его жизни, – но что касается вопроса, чем является Церковь по отношению к Христу, этого он еще не понял.

Однако Владимир Яковлевич недолго занимался в институте. Вскоре он оставил его. Причина такого решения неизвестна, возможно, она проста: отсутствие времени. Ведь занятия в институте проходили ежедневно, с 6 до 9 вечера. А в это время В. Я. Пропп работал над «Морфологией сказки», и, возможно, эта работа отнимала все время.

В 1937 г. его приняли на работу в ЛИФЛИ (впоследствии филологический факультет ЛГУ), и с этого времени до 1969 г. он преподаватель университета – сначала кафедры романо-германской филологии, затем кафедры фольклора, позднее – кафедры русской литературы. В 1938 г. он получил звание профессора, в 1939 г. защитил докторскую диссертацию.

---

⁸ Бовкало А. А. В. Я. Пропп и Петроградский богословский институт... С. 173–175.

⁹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1937) – философ, богослов, поэт, критик, публицист; Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – богослов, философ, искусствовед, математик, поэт.

¹⁰ Серафим Саровский (скончался в 1833 г.) – преподобный иеромонах Саровской Успенской пустыни. Прославился как чудотворец. Один из самых популярных святых XIX в.

Вероятно, интерес к фольклору возник у Проппа еще в университете, хотя никаких свидетельств этого нет. Но о том, что исследованием сказок он занялся сразу после университета, есть запись в «Дневнике»: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда, видеть форму. Помню, как в Павловске, на даче, репетитором в еврейской семье, я взял Афанасьева. Открыл № 50 и стал читать этот номер и следующие. И сразу открылось: композиция всех сюжетов одна и та же» (Наст. изд. С. 327). Это и было началом работы над монографией «Морфология сказки», со временем принесшей автору мировую известность. Он писал ее десять лет, по его признанию, по ночам, на праздниках, на каникулах, писал в одиночку, ни с кем не советуясь, без всякого руководства. И лишь закончив работу, решил показать его видным ученым: Б. М. Эйхенбауму, Д. К. Зеленину, В. М. Жирмунскому. Получив одобрение и поддержку, В. Я. Пропп в 1928 г. под редакцией В. М. Жирмунского издает книгу. В первые годы после ее выхода появилось несколько положительных рецензий известных ученых в западно-европейской и советской прессе (Д. К. Зеленина, Яна де Фриза, В. Н. Перетца, Р. О. Шора). Но затем открытие В. Я. Проппом структурных закономерностей волшебной сказки было забыто на тридцать лет. Лишь с 1958 г., после перевода книги на английский язык, начинается ее возрождение и воздействие не только на сказковедение, но и на структурное изучение других нарративных жанров и иных явлений культуры¹¹.

Мы не будем останавливаться на причинах долгого непонимания идей, заложенных в книге. Они объяснены в работах Е. М. Мелетинского¹², Б. Н. Путилова¹³ и др.

Основная причина забвения исследования в наше время вполне определена: книга опередила науку на тридцать лет. Хотелось бы сослаться лишь на мнение В. Я. Проппа о причинах непонимания идей книги. В предисловии к итальянскому изданию «Морфологии...» он писал в 1966 г.: «Книга эта, как и многие другие, вероятно, была бы забыта, и о ней изредка вспоминали бы только специалисты, но вот через несколько лет после войны о ней вдруг снова вспомнили <...>. Что же такое произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнееших методов исследований и вычислений. Стремление к применению новых точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структуральная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них – теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки»¹⁴.

Но это объяснение будет написано спустя несколько десятилетий. А в 30-е гг. атмосфера вокруг ученого была недоброжелательной. Книгу жестко критиковали. К. В. Чистов пишет, что в предвоенные годы в семинаре М. К. Азадовского в ЛГУ его ученики знали работу В. Я. Проппа, но отношение к ней было, по его выражению, «сдержанно-критическим»: «Говорили, что В. Я. Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма – рентгеновскими снимками

¹¹ См., например: Грякалов А. А. Константы чудесного и образ мира (к эстетическому смыслу концепции В. Я. Проппа) // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 8. СПб., 1997. С. 51–63.

¹² Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969. С. 134–166.

¹³ Путилов Б. Н. Проблемы фольклора в трудах В. Я. Проппа // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М., 1975. С. 7–10; Он же. От сказки к эпосу // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995, 1 (3). С. 351–352.

¹⁴ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп Владимир. Поэтика фольклора / Сост., предисл., коммент. А. Н. Мартыновой. М., 1998. С. 208–209.

или рассматриванием скелета»¹⁵. (Думается, что это было мнение не только учеников М. К. Азадовского, а прежде всего их учителя, руководителя семинара. – А. М.)

Так как же реагирует В. Я. Пропп на критику, обрушившуюся на него по выходе «Морфологии сказки»? Может быть, отказывается от своей концепции, от своих идей? Обещает учесть критику? Такое бывало в советской науке, и неоднократно в те времена. В. Я. Пропп реагирует следующим образом. Поскольку ни один научный журнал не решился бы поместить его аргументированный ответ критикам, он с живым словом обращается к будущим ученым, в ту пору студентам и аспирантам. В 1942–1943 гг. в Саратове, куда он был в тяжелейшем состоянии эвакуирован вместе с ЛГУ, он ведет семинар, посвященный «Морфологии сказки». Вспоминая об этом, И. П. Лупанова, студентка, аспирантка, позднее доктор филологических наук и друг В. Я. Проппа, пишет следующее:

«<...> что двигало Проппом, когда он выносил на аспирантский семинар обсуждение своего “крамольного” труда? Ведь в те нелепые и страшноватые времена в этой акции был безусловный риск. Видимо, он сознательно шел на него. Потому что был уверен в своей научной правоте. Потому что, не имея возможности пробить стену неприятия советской филологической науки, он пытался донести дорогие ему мысли до молодых умов нового поколения...»¹⁶ Думается, известны были ему и высказывания участников довоенного фольклорного семинара Азадовского о том, что Пропп изучение человека как живого организма подменяет изучением скелета, – и несколько его не смущали. И в 1964 г. он как бы прямо отвечает своим насмешливым оппонентам: «Так как фольклор состоит из произведений словесного искусства, прежде всего необходимо изучить особенности и закономерности этого вида творчества, его поэтику. Зоологи только тогда могли создать научную систематизацию, когда были изучены *скелеты* (выделено мной. – А. М.) животных, строение их тела, способы передвижения, а также отношение к окружающей среде, особенности питания, размножения и пр.»¹⁷.

В 1944 г. университет вернулся в Ленинград. Но В. Я. Проппу был запрещен въезд в родной город как немцу, хотя и обрусевшему. У него был отобран паспорт, пишет И. П. Лупанова¹⁸, и лишь ходатайство ректора А. А. Вознесенского спасло его от ареста¹⁹.

В. Я. Пропп продолжил работу в ЛГУ, одновременно по совместительству сотрудничая в ИРЛ И. Но в конце 1940-х гг. его увольняют из Академии наук.

Основной причиной увольнения В. Я. Проппа из Академии наук был выход в свет второй его книги «Исторические корни волшебной сказки» в 1946 г. (хотя написана она была значительно раньше: в 1939 г. Владимир Яковлевич защитил докторскую диссертацию по рукописи этой монографии). Кратко свою задачу автор сформулировал на первых страницах книги: «Мы хотим <...> найти историческую базу, вызвавшую к жизни волшебную сказку»²⁰. В. Я. Пропп рассматривал свою вторую книгу как логическое продолжение первой. Определив волшебную сказку и выявив ее единство через композицию, он приходит к выводу, что причина единства кроется в области ранней истории, т. е. ступени развития человеческого общества, которую изучают этнография и этнология. В 1966 г. в статье, отвечая К. Леви-Строссу на обвинение в формализме, которое он категорически отвергал, В. Я. Пропп пишет: «“Морфология” и “Исторические корни” представляют собой как бы две части или два тома одного большого труда. Второй прямо вытекает из первого, первый есть предпосылка второго <...>. Я, по возможно-

---

¹⁵ Чистов К. В. В. Я. Пропп – исследователь сказки // Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 15.

¹⁶ См. наст. изд. С. 397.

¹⁷ Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Владимир Пропп. Поэтика фольклора. С. 175.

¹⁸ См. наст. изд. С. 398.

¹⁹ См. также об А. А. Вознесенском: Эльшинова Л. Папа Вознесенский // Нева. 1998. № 10. С. 147–159.

²⁰ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 5.

сти строго методически и последовательно, перехожу от научного описания явлений и фактов к объяснению их исторических причин»²¹.

Закончив Предисловие, В. Я. Пропп записал в «Дневнике»: «Перечитал это предисловие и остался доволен. Я, несомненно, сильнее этого знаменитого француза Леви-Стросса, который пишет обо мне с таким пренебрежением. Только работать я не могу столько, как они, не могу быть на уровне того, что знают в Европе и Америке, потому что библиотеки наши не могут снабдить нас тем, что надо»²².

Но в 1940-е гг. эта книга вызвала яростную критику и обвинения в антимарксизме, идеализме и протаскивании религиозных идей, а также приверженности буржуазным традициям. Огромную рецензию, зловеще озаглавленную «Против буржуазных традиций в фольклористике (о книге проф.

В. Я. Проппа “Исторические корни волшебной сказки”») публикует «Советская этнография» (1948, № 2). Авторы И. Дмитриков и М. Кузнецов, пол у грамотные публицисты, в своей рецензии прежде всего «громят» основные теоретические положения статьи В. Я. Проппа «Специфика фольклора за «мистику», «извращение и фальсификацию истинной картины общественных отношений», за то, что в своей работе он опирался «не на великого теоретика фольклора А. М. Горького, а на буржуазных ученых-идеалистов» и т. д., затем обрушиваются на монографию ученого, утверждая, что исследование имеет «откровенно-формалистический характер» (С. 230–239).

В течение февраля 1948 г. в Институте этнографии АН СССР были проведены заседания, посвященные обсуждению «недостатков и задач современной фольклористики». Критике были подвергнуты работы В. Я. Проппа, П. Т. Богатырева и теоретические положения трудов А. Н. Веселовского. 9 февраля на заседании выступил М. М. Кузнецов, зачитавший рецензию на книгу В. Я. Проппа. Рецензию обсуждали, и в процессе обсуждения были вскрыты «недостатки» как этой, так и других работ В. Я. Проппа, – как свидетельствует информация, опубликованная в «Советской этнографии» (1948, № 3).

И. И. Потехин, например, выразил сожаление, что «Проппа влечет не к Добролюбову, Чернышевскому и Горькому, а к идеалистам-позитивистам». В. И. Чичерев утверждал, что В. Я. Пропп «выхолащивает идейное наполнение» из народного творчества и отрицает его национальную сущность. С. А. Токарев посчитал, что автор рассматривает этнографические материалы «сквозь призму вульгарно-социологических взглядов». Решительнее всех были Е. В. Гиппиус, назвавший книгу Проппа «весьма вредной в методологическом отношении», и С. П. Толстов, квалифицировавший книгу как «антимарксистскую по концепции и методу исследования». Пропп не взял заключительного слова, никак не реагировал на критику до 1966 г., когда было написано предисловие к итальянскому изданию «Морфологии сказки». Пропп выдержал ругательную заказную критику, носившую не научный, а идеологический и политический характер. Пропп выдержал критику и остался на прежних позициях, не выдержало его сердце: он перенес обширный инфаркт. И разумеется, работы автора «антимарксистской книги» никто не решался печатать. За последующие девять лет ученый опубликовал лишь три статьи по фольклору, тезисы и статью о проблеме арктики в современном немецком языке.

А затем в свет выходит монография «Русский героический эпос» (Л., 1955; изд. 2-е, М., 1958). Поздравляя Владимира Яковлевича с изданием книги, я услышала: «Десять лет я писал и бросал в ящик стола. Если бы не Игорь Петрович Еремин (в ту пору заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ. – А. М.), который приложил много усилий, чтобы книга была издана, она и теперь бы не была опубликована».

---

²¹ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки. С. 214.

²² См. наст. изд. С. 298.

Фундаментальный труд В. Я. Проппа «Русский героический эпос» произвел огромное впечатление на современников. Мне запомнился такой эпизод: в 1955 г. кафедра русской литературы отмечала 60-летний юбилей В. Я. Проппа, когда уже вышла в свет его новая книга, и многие из присутствовавших успели ее прочитать. Запомнилось, что атмосфера юбилея была радостной, приподнятой, праздничной, было море цветов и подарков.

Остались в памяти слова Г. П. Макогоненко о том, что, начав читать книгу, он не мог оторваться от нее, пока не дочитал до конца, и что она увлекательнее всех романов.

Студенты семинара решили сделать к юбилею подарок учителю, собрали немного денег и после долгих обсуждений – что подарить? – купили набор серебряных рюмок и на каждой выгравировали «ВП».

Выступавшие восторженно отзывались о трудах юбиляра и о последней монографии. От студентов выступала я, и когда окончилась торжественная часть, ко мне подошел Владимир Яковлевич и сказал: «Тоня, Вы выступили лучше всех!» Думаю, он похвалил мое выступление потому, что оно было самым кратким. А потом мы с А. Нутрихиным, в ту пору аспирантом Владимира Яковлевича, отвезли подарки и цветы на улицу Марата. И Владимир Яковлевич обратился к жене: «Елизавета Яковлевна, где там у нас бутылочка муската? И приготовьте рюмки, что подарили мне студенты!» И мы выпили муската, и я огорченно сказала, что все подарки были стилизованные, «фольклорные», только вот наш... – «Что Вы, это самый “фольклорный” подарок – серебряная чарочка», – живо возразил Владимир Яковлевич.

В монографии о русском эпосе В. Я. Пропп прежде всего определил жанр былин, отграничив их от духовных стихов, баллад, сказок, исторических песен.

Целью своей работы автор считал историческое изучение эпоса, которое должно состоять в раскрытии связи «развития эпоса с ходом развития русской истории и в установлении характера этой связи» (С. 18). И на этом пути первая задача состоит в том, чтобы, сопоставляя варианты каждого сюжета, понять замысел былины, выявить ее идею: «Раскрытие идеи есть первое условие исторического изучения былин. Народная идея всегда выражает идеалы эпохи, в которую эти идеи создавались и были действительны»²³. Противопоставляя свою концепцию историзма былин концепции исторической школы, В. Я. Пропп пишет: «Взаимоотношения между эпосом и историей сторонники этого направления представляют себе чрезвычайно просто. Песни отражают, регистрируют события той эпохи, в которой они создавались. Эпос рассматривается как своего рода устная историческая хроника, подобная письменной хронике – летописи. <...> Отсюда – метод этой школы, сводящийся к проверке былины через летопись или другие исторические документы»²⁴.

По-новому решает Пропп и проблему происхождения былин как жанра, который возник из эпоса догосударственного. Об этом пишет Б. Н. Путилов: «Русские былины как исторически обусловленный этап в истории эпического творчества народов В. Я. Пропп исследовал на основе типологического сравнения с архаическим (по его терминологии, “догосударственным”) эпосом народов Сибири и Крайнего Севера. Такое сравнение позволило ученому вскрыть в былинах сложный пласт архаики, объяснить его существование и его характер и, главное, прочитать былинные сюжеты, разгадать многочисленные загадки в них, объяснить специфику былинных героев, раскрыть особенности былинной поэтики, наконец, понять природу былинного историзма»²⁵. Полемику со сторонниками исторической школы В. Я. Пропп продолжит в замечательных последующих работах: «Об историзме русского эпоса (ответ академику Б. А. Рыбакову)» (1962), «Фольклор и действительность» (1963), «Об историзме рус-

---

²³ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 24.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ См. наст. изд. С. 390–391.

ского фольклора и методах его изучения» (1968). Но значение этих работ значительно шире – в них изложена пропповская концепция русского фольклора.

Четвертая монография В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» была опубликована в 1963 г. (2-е изд. Л., 1995). И вновь это был неожиданный, концепционный и дискуссионный труд, как и все книги В. Я. Проппа.

Во введении к монографии, определяя цель и методику работы, автор пишет, что ошибка предшествовавших исследований календаря состояла в том, что праздники изучались в отрыве один от другого: материалы одних празднеств не сопоставлялись с материалами других, в то время как каждый праздник может быть правильно понят тогда, когда будет изучен весь их годовой цикл. Изучая годовой цикл, сравнивая праздники между собой, В. Я. Пропп пришел к выводу, что частично они состоят из одинаковых элементов, иногда различно оформленных, а иногда тождественных.

О методике исследования *этнографического* (выделено мной. – А. М.) на сей раз материала автор напишет через три года в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки»: «В книге “Русские аграрные праздники” я применил как раз тот же метод, что в “Морфологии”. Оказалось, что все большие основные аграрные праздники состоят из одинаковых элементов, различно оформленных».²⁶ Применив в исследовании календарных обрядов, т. е. материала этнографического, структурный метод и обнаружив в них одинаковые элементы (составные части, слагаемые, по выражению В. Я. Проппа), автор поставил задачу: «<...> эти составные части необходимо определить, выделить и сопоставить»²⁷.

После смерти В. Я. Проппа были опубликованы две его книги: «Проблемы комизма и смеха» (1976) и «Русская сказка» (1984). Первая из них, не завершенная автором и подготовленная к печати его вдовой, Е. Я. Антиповой, – литературоведческая работа, построенная на материале художественной литературы и лишь отчасти на фольклорном и этнографическом. Книга еще не получила должной оценки. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты исследования. И прежде всего, на метод исследования, о котором автор пишет, как и во всех своих работах, в начале книги. Пропп пишет, что его метод идет не от гипотез, а от скрупулезного сопоставительного изучения и анализа фактов к обоснованным через факты выводам: «Такой метод принято называть индуктивным»²⁸.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, – это авторский опыт систематизации смеха, опыт, к сожалению незавершенный. В книге много интересных и спорных положений о специфике комического, эстетике комического и др., которые ждут изучения.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться, это оценка В. Я. Проппом Н. В. Гоголя: «Гоголь предстал перед нами как величайший из всех когда-либо творивших юмористов и сатириков, оставляя позади себя всех других как русских, так и нерусских мастеров»²⁹. О Гоголе есть несколько записей и в дневнике ученого: «Сколько раз я читал “Ревизора”, но всегда могу читать снова и снова. Вчера открыл. Напал на место, которое читал как новое: Добчинский Марье Антоновне с поздравлением: “Вы будете... в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать”. Как я мог не заметить!»³⁰ Его любимые писатели, чтение которых доставляло чувство *острого счастья* (выделено мной. – А. М.): Л. Толстой, А. П. Чехов, Н. В. Гоголь и, конечно, А. С. Пушкин. Пушкина он читал всю жизнь, перечитывая «подряд и вразбивку». Пушкину посвящена последняя запись в его дневнике 30 июля 1970 г.: «Купил для дачи однотомник Пушкин. Я не могу прожить недели, не прикоснувшись к Пушкину».

---

²⁶ Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки. С. 133.

²⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1995. С. 22.

²⁸ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 5–6.

²⁹ Там же. С. 6.

³⁰ См. наст. изд. С. 319.

Но вообще Владимир Яковлевич к литературе был требователен так же, как и к научным трудам: «Я “высокомерен” по отношению к писателям в буквальном смысле этого слова – меряю на высокую мерку. Это выдерживают самые великие писатели, и только их и стоит читать. Их сотни, а всех остальных – десятки тысяч»³¹. Владимир Яковлевич считал, что Золя можно читать 2 раза – в юности и старости. Толстого можно читать 50 раз, также и Чехова. Романы Золя сделаны мастерски. Но вот Толстой. Не т<омов> 20, а всего только три романа. «И каждый образ, каждая строчка, каждое слово пережито всем существом и захватывает все существо своей внутренней правдой. Может быть только так, как изваял Толстой, и никак иначе»³². Гоголя, Чехова, Толстого он считал гениями, непревзойденными художниками. В 1967 г. записал в дневнике: «Литература никогда не имеет ни малейшего влияния на жизнь, и те, кто думают, будто это влияние есть и возможно, жестоко ошибаются. “Ревизор” не действовал на взяточников, а статьи и воззвания Толстого о смертной казни не остановили ни одного убийства под видом казни, а у нас казнены уже миллионы, а палачи возведены в газетах в герои. Юбилей ГПУ – с музыкой и спектаклями, а те, кто видел наши застенки (я видел и кое-что знаю)³³, только и могут, что сидеть по углам и быть незаметными. Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так, что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом все дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем подымает нас. Чем сильнее поучительность, тем слабее влияние литературы. Самые великие никогда не поучали (даже хотели этого), они были»³⁴.

Монография «Русская сказка» (Л., 1984) после кончины Владимира Яковлевича была подготовлена к печати вдовой В. Я. Проппа – Е. Я. Антиповой. Издание предваряет статья К. В. Чистова, раскрывающая концепцию книги и ее роль в развитии мирового сказковедения. По мнению К. В. Чистова, в основе книги – специальный курс о русской сказке, прочитанный Проппом в первой половине 1960-х г., а написана монография позднее, когда Пропп стал признанным ученым. Это так, но материалы фонда, хранящиеся в ИРЛИ, свидетельствуют, что еще в 1930-е г. В. Я. Пропп совместно с Н. П. Андреевым подготовил раздел «Сказка» для трехтомника «Русский фольклор». Раздел состоял из 7-и глав, большая их часть принадлежит В. Я. Проппу. И это позволяет сделать вывод, что спецкурс был подготовлен на основе монографического исследования 1930-х гг. всего состава сказочного эпоса, исследования, содержащего пропповскую концепцию происхождения, развития и бытования русской сказки³⁵.

В архиве несколько сотен писем к Проппу, а его писем немногим больше 30. Не хотят, не могут его адресаты передать письма в архив, берегут как дорогую память. Каждый человек, кому посчастливилось общаться с Проппом, знал, чувствовал, что он видит в собеседнике личность, которая интересна ему. В одном из своих писем он писал: «Ценность человека определяется не его делами, а тем, что он из себя представляет. Есть академики, которых я презираю, и есть самые обыкновенные люди, с которыми мне легко и хорошо, потому что это настоящие люди»³⁶. В понятие настоящего человека В. Я. Пропп включал прежде всего моральные, этические качества, отсутствие эгоизма, способность любить и делать добро.

Дневник писал уже старый больной человек, а между тем слова и выражения: «цветение души», «радость бытия», «счастье» – пронизывают дневник от начала до конца. В нем нашли отражение часы, дни и недели усталости, переутомления, депрессии, но Владимир Яко-

³¹ См. наст. изд. С. 319.

³² См. наст. изд. С. 321.

³³ См. наст. изд. Примеч. 84 на с. 316.

³⁴ См. наст. изд. С. 316–317.

³⁵ См. об этом подробнее: *Мартынова А. Н.* Предисловие к изданию трудов В. Я. Проппа // *Владимир Пропп. Поэтика фольклора*. С. 17–18.

³⁶ См. наст. изд. С. 211.

влевич всегда находил силы преодолеть это состояние. И вновь он записывает: «И опять я преисполнен жизнью настолько, что меня грозит это разорвать. Я томлюсь неизъяснимым счастьем жизни»³⁷. Счастье доставляла Владимиру Яковлевичу работа. В декабре 1967 г. он писал: «Вчера закончил “Морфологию”. Было 4 месяца счастья умственной деятельности»³⁸.

Счастье доставляла музыка. Шуберт, Бетховен, Моцарт – любимые композиторы ученого. Музыка он учился в детстве, затем прервал занятия с гувернанткой. Но позднее учился в музыкальной школе и самостоятельно продолжил занятия. И в молодости даже выступал в публичных концертах. «Пребываю в музыке, труде и счастье. Когда играю, сердце заполняется так, что не могу продолжать, иду к окну и хватаюсь за занавеску. <...> Бетховен – III и V концерты, увертюра “Леонора” № 3 – я весь охвачен, это мой мир. Я не имею таланта выразить себя, но Бетховен меня выражает. Я существую по-настоящему». Или: «Моцарт – это счастье. Счастье в ликовании и счастье в слезах. Органическое душевное благородство и чистота и значительность при всей простоте»³⁹.

Счастье доставляло общение с природой. Он мог подолгу сидеть на берегу залива, опушке леса, слушая и наблюдая природу и радуясь ей. «Я активно ничего не делаю, разве что крашу свою замечательную легкую лодочку, выезжаю на ней на озеро и гляжу на закат – больше мне ничего не надо»⁴⁰.

В этой связи понятно увлечение Владимира Яковлевича фотографией. Большинство его снимков хранятся в ИРЛ И, и они говорят о развитом художественном вкусе, о таланте художника-фотографа, его умении выбрать объект, показать прелесть, очарование группки березок, одинокого дерева на пригорке, зимней лесной дороги.

Один из источников жизненного счастья В. Я. Проппа – живопись. И прежде всего, русская иконопись. «Я всегда знал, что это искусство прекрасно. Но оно не просто прекрасно, это высшее искусство мира», – записывает он в дневнике. И еще: «Для меня это (иконы. – А. М.) – самое современное, самое актуальное мое искусство. Я не спешу и не думаю о веках и школах, я пью это искусство и упиваюсь»⁴¹. Его любимыми русскими живописцами были, прежде всего, Васильев, гениальность которого он неоднократно подчеркивал в дневнике и письмах, Нестеров, Саврасов, Врубель. О Нестерове: «Я помню, какое глубокое счастье в юности возбуждали его картины: “Юность преподобного Сергия”, “Великий постриг”. Это просветленная религиозность, какой жил я в годы юности... “Пустынный” принадлежит к лучшим не только русским, но и мировым картинам: он понял и увидел чутьем в России такое, что до него не видел никто»⁴². И неожиданно читаешь: «Нестеров ничтожный человек... Он жил только в своем живописании. Ничего другого у него в жизни не было». Ничего – это значит любви к детям, семье, ученикам, стремления поделиться своими знаниями с другими.

С юности и до смерти он восхищался живописью Врубеля, не только живописью, но и личностью художника, его любовью к жене, оперной певице Н. И. Забеле: «...50 спектаклей “Садко”, и всегда он ее слушает... Любовь к жене есть только проявление великой любви художника ко всему, что сотворено»⁴³.

Владимир Яковлевич очень любил свою семью, своих детей. Он был женат дважды. И не его вина, что первый брак оказался неудачным. От первого брака у него было две дочери, которых он любил нежно, помогал морально и материально. От второго брака – сын, к которому он

---

³⁷ См. наст. изд. С. 308.

³⁸ Речь идет, вероятно, о новом английском переводе: *Propp V. Morphology of the Folk-tale. Second Edition, Reversed and Edition with a Preface by Louis A. Wagner, New Introduction by Alan Dundes*, «University of Texas Press», Austin; London, 1968.

³⁹ См. наст. изд. С. 320.

⁴⁰ См. наст. изд. С. 198.

⁴¹ См. наст. изд. С. 326.

⁴² См. наст. изд. С. 323.

⁴³ См. наст. изд. С. 294.

был глубоко привязан и которым гордился. И еще у него были десятки учеников, которым он помогал даже тогда, когда они выходили на самостоятельную дорогу. 4 ноября 1965 г. он записал в дневнике: «Тот, кто думает о любимом или близком или добром человеке хотя малейшее худое, терпит наказание в самом себе, потому что теряет этого человека, теряет то святое, что соединяет его с ним. Ну а если действительно есть худое? <...> Тогда надо сказать: да, я и это беру в тебе, и ничто не может затемнить того света, в котором я тебя вижу и знаю. И станет тебе легко. И святое не будет потеряно. А без святыни жить нельзя»⁴⁴.

Более тридцати лет работал в ЛГУ В. Я. Пропп. Сам он выразил свое отношение к этой работе следующими словами: «Когда в 1937 г. меня пригласили в ЛИФ Л И (впоследствии филологический факультет университета), я и не подозревал, какая счастливая звезда привела меня сюда, в это здание. Я не знал еще тогда, а теперь знаю, какое это счастье – работать в Университете»⁴⁵. Но и для филфака ЛГУ было большой удачей и счастьем – работа В. Я. Проппа. В эти годы на факультете работало много замечательных ученых, прекрасных профессоров и доцентов, талантливых лекторов, о которых с благодарностью и теплотой вспоминают бывшие студенты и аспиранты. Но В. Я. Пропп занимает в этих воспоминаниях особое место. Не раз приходилось наблюдать, что даже у людей, прослушавших лишь общий курс по фольклору на первом курсе, при упоминании фамилии Владимира Яковлевича теплеют глаза и появляется мягкая улыбка. Я не смогла бы определить источник его обаяния и облагораживающего воздействия на людей, если бы сам Владимир Яковлевич не нашел эти слова, отнеся их к академику С. Ф. Ольденбургу: «С<ергей> Ф<едорович> обладал качеством, которое я не могу назвать иначе, как большая культура сердца»⁴⁶.

Эти слова вполне могут быть отнесены к самому Владимиру Яковлевичу. Они вмещают в себя очень многое и, прежде всего, высокую требовательность к себе, чистоту души, богатейший внутренний мир, потребность оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Хороший пианист и тонкий ценитель серьезной музыки, прекрасный фотограф, глубокий знаток древнерусского искусства, русской живописи и литературы, Пропп щедро делился с учениками, близкими ему людьми своими личными открытиями, впечатлениями в разных областях искусства.

Все, кто знал Владимира Яковлевича, отмечают, что он обладал тонким юмором. Нельзя сдерживать улыбку, прочитав в «Дневнике» об одном обсуждении диссертации в Пушкинском Доме. «<...> Фридендер с необыкновенной ловкостью не сказав о книге ничего, очень убедительно и умно хвалил ее. Для меня такая виртуозность совершенно таинственна»⁴⁷. Или о выдвижении его в Берлинскую академию, о чем он сообщал в письме к другу в 1963 г.: «Меня хотят выбрать в Берлинскую Академию наук. Что ж, очень хорошо со стороны берлинцев и очень похвально. Я от этого не стану ни умнее, ни лучше. Вспоминаю слова Ариадны у Чехова: “Что ни говорите, а в титуле есть что-то обаятельное”, вследствие чего она выходит за князя Мактусова»⁴⁸.

В 1966 г. ЛГУ выдвинул Владимира Яковлевича Проппа в члены-корреспонденты АН СССР. Никакой суетности и волнения не проявил и в этом случае В. Я. Пропп. В другом письме В. С. Шабунину он пишет: «На большом Ученом совете я получил 58 голосов, против голосовало 4. Но в Москве я не пройду, т. к. хорошо известно, что я критикан и человек беспокойный

---

⁴⁴ См. наст. изд. С. 313.

⁴⁵ См. наст. изд. С. 361.

⁴⁶ См. наст. изд. С. 360.

⁴⁷ См. наст. изд. С. 298.

⁴⁸ Пропп цитирует по памяти, точная цитата: «Что ни говорите, а в титуле есть что-то необъяснимое, обаятельное». См.: Чехов А. П. Ариадна // Поли. собр. соч.: В 30 т. М., 1974–1983. Т. 9, 1977. С. 112. Князь Мактуев сватался к Ариадне, но получил отказ.

и нежелательный»⁴⁹. Как ни странно и горько теперь это осознавать, но великий ученый не был избран ни в одну академию.

Обаяние личности Проппа испытывали на себе все, кто его знал. Особенное внимание проявлял он к своим ученикам. И письма к нему его студентов и аспирантов, всех, кто признавал его своим учителем, – свидетельство уважения и любви к Учителю. Это письма К. Е. Кореповой, Н. А. Криничной, А. Н. Мартыновой, М. П. Чередниковой, И. И. Земцовского, Л. М. Ивлевой, Ю. Пантелеевой, А. И. Нутрихина, О. Н. Гречиной, И. П. Лупановой, М. С. и Н. А. Бутиновых и др.

Владимир Яковлевич много лет мечтал поехать в Новгород, Ярославль и другие города, чтоб воочию увидеть великолепные храмы. Но удалось ему съездить лишь в Карелию. Первую поездку в Кижы он совершил в 1962 г. на экскурсионном пароходе. Глядя на кижский храм с борта парохода, В. Я. Пропп был восхищен. Он записал в дневнике: «Он лучше, чем все, что можно было о нем думать по снимкам... Я думал, что он перегружен, упадочен, барочен. Но он, прежде всего, удивительно строен. Главки не выпячиваются, а смотрятся на фоне всего сооружения. Можно плакать от счастья. Только люди на земле могли создать такое. Ни один город это не может»⁵⁰. Второй раз на острове Кижы В. Я. Пропп побывал по приглашению своей студентки, теперь доктора филологических наук, Н. А. Криничной. Он гостил в семье Н. Криничной несколько дней, выезжая с ней на лодке в окрестные деревеньки, фотографируя часовенки и церквушки. Побывал он и в Кондопоге, чтоб увидеть знаменитую шатровую церковь. Это было счастье. Еще и потому, что в последние годы жизни, как и в юности, Владимир Яковлевич увлекся древнерусским искусством: русской иконописью и архитектурой православных храмов. В его коллекции хранились тысячи изображений (фотографий, репродукций) икон, соборов, церквей, часовен. Свою работу он намерен был начать с систематизации форм православных храмов. Об этом есть запись в его дневнике: «А теперь я увлечен древнерусским искусством. И опять я вижу единство форм русских храмов, вижу варианты, нарушения, чуждые привнесения. Эта форма проста до чрезвычайности. Но почему она так волнует, так трогает, так делает счастливым? Смотрел по разным источникам готические храмы. Какое великолепие! Но нутро мое молчит, восхищается только глаз»⁵¹.

На первой странице дневника В. Я. Проппа рядом со словами: «Дневник старости. 1962-196...» пером нарисована горящая свеча и склоненная над ней поникшая веточка. Этот символ – горящая свеча – проходит через всю жизнь Владимира Яковлевича. Когда-то в юности в православном храме любимая девушка вложила ему в руку горящую свечу. В старости маленькую свечу он ставил себе на письменный стол и зажигал ее. Эти символы: «свет», «огонь», «горение», «душевный пожар» – пронизывают и дневник последних лет его жизни. Свет души замечательного ученого и человека, огонь вдохновения и творчества не может не зажечь ответной искры в душе читателя его трудов.

В Приложении мы поместили воспоминания учеников и коллег Владимира Яковлевича Проппа.

А. Н. Мартынова

---

⁴⁹ См. наст. изд. С. 250.

⁵⁰ См. наст. изд. С. 290.

⁵¹ См. наст. изд. С. 327.

В. Я. Пропп «Радуюсь счастьем бытия»

Древо жизни Автобиографическая повесть

Часть первая

I

Кто может сказать, когда начинается жизнь человека? Фебина жизнь началась вовсе не тогда, когда он родился. О своем рождении он не имел никакого представления и впоследствии не мог вспомнить об этом событии ровно ничего, как он ни старался. Приходилось заключать по аналогии (а такие заключения, как известно из курса логики, не являются достоверными), что он действительно родился. Впрочем, достоверность этого факта не оставляла никакого сомнения, т<ак> к<ак> подтверждалась огромным листом бумаги, где факт его рождения был скреплен государственной и церковной печатью⁵². Жизнь же его началась четыре года спустя, когда он увидел огромный красный подосиновик.

Дело это происходило так.

Он – в лесу, за рекой. Трава немножко сырая и пахнет мохом. Мама держит его за руку и бранит его. Он такой большой, а все еще любит ходить за ручку. Он слушает и шагает, но маминой руки не выпускает. Или это мама сама не выпускает его нежных пальчиков?

Но вот он вырывает свою еще пухлую ручку, бежит вперед и теряет белую шляпку. Там, под осиной, засверкало чудесное: засверкал гриб – красный, огромный подосиновик. Он срывает подосиновик и бежит назад.

– Мама, мама, смотри, ein Pilz!⁵³

Бедный мальчик! Он с мамой говорит по-немецки, а с другими – по-русски и иногда путает языки. Да, несчастный... Может ли быть скучнее судьба, чем родиться немцем, евреем или поляком в великодержавной России? Какое великое государство и какие добрые, хорошие люди в нем живут! К счастью, Федя родился не остзейским бароном (что было бы уж совсем скверно), а сыном саратовского колониста, который служил доверенным С.-Петербургского отделения торгового дома братьев Рейхерт, поставлявшего муку во все немецкие булочные столицы⁵⁴. В силу такого происхождения в свидетельстве о рождении и крещении sub

---

⁵² Владимир Яковлевич Пропп родился 16 апреля 1895 г. и был крещен в евангелическо-лютеранском приходе Св. Анны. При крещении наречен Герман Вольдемар.

⁵³ Ein Pilz – гриб (нем.).

⁵⁴ Отец Проппа – Иоанн Яков Пропп (ум. в 1919), выходец из поселян-собственников немцев Саратовской губернии, являлся потомственным почетным гражданином; представителем Торгового дома «Бр. Шмидт» (с 1914 г. – Управляющий Санкт-Петербургским отделением торгово-промышленного товарищества «Бр. Шмидт»); казначеем Общества для распространения коммерческих знаний; товарищем председателя Арбитражной комиссии при Калашниковской хлебной бирже; казначеем Комитета фонда вспоможения нуждающимся бухгалтерам и их вдовам и сиротам. В 1900-е гг. в Санкт-Петербурге существовала галантерейная (а не мукомольная) фирма «Ф. А. Рейхардт», но отец Проппа работал в Торговом доме «Бр. Шмидт», поставлявшем на рынки хлеб, зерно и муку. «Отец всю жизнь прослужил в торгово-промышленном предприятии «Братья Шмидт», – писал В. Я. Пропп в своей автобиографии (см.: РО ИРЛ И, ф. 721, оп. 1, № 180, л. 1).

fide pastorali⁵⁵значилось, что восприемницей его была Гертруда Вильгельмовна Янковская, жена булочного мастера⁵⁶. Frau⁵⁷ Янковская, Фебина восприемница, в тот день, когда началась Фебина жизнь, находилась тут же в лесу и дышала свежим воздухом. Федя уже знал, что она булочница, а также что она – настоящее чудо. У нее целых два подбородка, волосатая бородавка около уха, и когда она выходит подышать, она сопит, и это называется астмой.

– Вот молодец! Смотрите-ка! Да ведь это не гриб, а настоящий зонтик!

Федя гордится: вот какой гриб, настоящий зонтик!

Теперь он уже не держится за мамину руку. Он обходит каждый пенек, шарит в папоротниках и кустах: нет ли еще грибов? Но красных нет. Есть тонкие-претонкие, на шатких ножках, бесцветные грибы, которых почему-то жалко. Но они еще больше похожи на зонтики, и он их собирает. Он несет их маме и хочет положить их в передник.

– Нет-нет, этих мне не надо. Это поганки. Их очень любит Frau Янковская. Поди, снеси ей, она очень любит поганки.

Федя несколько удивлен, что она любит поганки. Раньше он слышал, что поганки ядовиты и что их нужно выбрасывать в ведро. Но, впрочем, если у нее астма, то, конечно, она может любить и поганки.

– Вот, нате, мама сказала, что вы их любите.

Frau Янковская пронзительно визжит: это она так смеется.

Так началась жизнь. Она началась с гриба, который одновременно был зонтиком, и продолжалась тысячью фантомов. Фантомы, нанизанные на нить дней и часов, приходили и уходили. Вот у моста купают лошадей: они выходят из воды черные и блестящие; эти лошади – не лошади, это – необыкновенные звери из лакированного железа, которые могут его, Федю, съесть.

Вот канава. Растет трава зелеными пучками. Если вырвать такой пучок и выполоскать корни в воде, то это уже не корни. Это – волосы. Шелковистые, белые волосы неземных существ.

Глаза пробуют посмотреть на солнце. Но солнце слепит. А если закрыть глаза, ослепленные солнцем, то перед взором прыгают тысячи круглых облаток: лиловых, зеленых, красных, желтых. Они пляшут, сходятся и расходятся. Если открыть глаза – то они пляшут уже на стене. Эти облатки потом продаются и служат для наклеивания картинок.

Он видит то, чего никто не видит, а то, что видят все, для него незримо.

Незрими мама и папа. Мама – это юбка, за которую можно держаться. Мама – это шершавая рука, которая водит по его лицу. Больше никакой мамы нет. Он не знает, что у нее – маленькие добрые глаза, серое платье, белый передник, которым накрыт толстый живот.

Папа – существо совсем необыкновенное. Он ест арбузы с солью, и если нет соли, то он не может есть арбузов. Вот кто такой папа. Но когда нет арбузов – нет и папы. Если папа не приезжает три-четыре дня, или даже неделю, Федя этого не замечает. Но он замечает капельки росы на траве, он замечает хвосты и уши у поросят, веревочку, он подбирает шишки в лесу, веревочки, соломинки, камушки. Все это – вестники каких-то тайн. И сам он – вовсе не Федя. Смотря по обстоятельствам он может быть паровозом, собакой и даже целой тройкой лошадей.

Кроме папы и мамы есть у него сестра Нелли⁵⁸ и брат Боба⁵⁹. Нелли – тоже не Нелли... Нелли уже шесть лет. Она катает по дорожкам колясочку с куклой. Она любит катать ее тихо, чинно. Нелли – сестра. У нее две косички с бантиками, и волосы смазаны репейным маслом.

---

⁵⁵ sub fide pastorali – под пасторским заверением (*лат.*).

⁵⁶ Восприемниками Проппа при крещении значились: жена булочного мастера Елисавета Янковская, купец Герман Аманде, булочный мастер Генрих Лемке (РО ИРЛИ, ф. 721, он. 1, № 181, л. 1).

⁵⁷ Frau – женщина (*нем.*).

⁵⁸ Прототипом Нелли могла стать старшая сестра Проппа – Элла Яковлевна Пропп.

⁵⁹ Прототипом Бобы скорее всего являлся старший брат Проппа – Роберт Яковлевич Пропп.

Весь мир для него двоится. Он не умеет сказать, что есть два мира, что каждая вещь может обернуться. Он сам – оборотень, и Нелли – оборотень. Вдруг он замечает, что у Нелли сапоги на пуговках, а у него – на шнурках. Нелли – это пуговка, но и пуговка может быть Нелли.

Вот брусника. Рука тянется сорвать красную ягоду. Но с земли вылетает птичка. Федя тянется за птичкой.

Он непостоянен и перебегает от одной вещи к другой, вернее – вещи пробегают мимо него, приходят вдруг из ничто и уходят в ничто.

Это ничто есть здешнее. Мама – ничто, всегда – там, ее еле слышно, и никогда не видно. Там же папа, кроме его пальцев, которые похожи на маленькие колбаски, и кроме тех дней, когда он ест арбузы с солью. И там же – брат Боба, которому уже целых восемь лет, у которого свой стол и свои книжки. Боба начинает существовать только тогда, когда братья дерутся. У Бобы есть красные и синие карандаши, и Федя их уносит. Он не понимает, что карандаш есть принадлежность Бобы: увиденный карандаш уже есть сам Федя, и спрашивать «можно?» – Федя не умеет. Если есть карандаш – его надо взять. Поэтому Федя нетерпелив, неуступчив и зол, когда встречает препятствия. Когда он встречает препятствие, он кричит. Этот крик – не простой крик. Из чаши жизни Федя пьет вино – всегда пьянящее. Препятствий нет, не может быть, и маленькие кулачки, зубы хотят разорвать Бобу. Потому что от препятствий Федя перестает быть: он нашел на полу стеклянную бусу и стучит по ней молотком – он весь в молотке; как не может быть препятствий, так не может быть меры. Весь мир – в молотке, и этот мир – он сам, он растворен в молотке без остатка. И вдруг отнимают молоток – и вдруг рушится весь мир. Он рушится вовсе не по-игрушечному. Он рушится по-настоящему, навсегда, безоговорочно и безмерно. Случилось страшное, непоправимое несчастье: только неистовый вопль может быть ответом на эту катастрофу.

Боба – мальчик разумный. Он говорит: «Ты сделаешь себе бо-бо. Дай сюда молоток!»

Но если бы Федя был большой, он бы ответил: «А ты слыхал про землетрясения? Так вот, со мной пятьдесят раз в день бывают землетрясения».

Кто сказал, что детство – самая счастливая пора жизни? Это – самая ужасная, самая несчастная пора жизни человека, потому что эта пора состоит из тысячи смертей.

К счастью, время, столь жестокое к большим, бывает милосердно к детям. На том же полу, где лежал молоток, оно открывает Феде щелку и дает ему в руку коробку спичек. Спички втыкаются в щелку и образуют забор. Нет, не забор. Они образуют волшебный сад, они образуют замок, они образуют мир. Глаза, полные слез, смеются, и щеки, на которых висят соленые капли, выражают блаженство.

Если посмотреть в Федины глаза – а глаза у него большие, коричневые, – то в этих глазах можно утонуть. В них – удивление, бесконечное удивление перед тем, что им является. И второе – в них вера, доверие, в них нет обмана. Обман явится попозже. Обман – заразителен. Зараза идет от больших, они первые начинают.

Есть в мире один предмет, который играет в жизни Феде огромную роль. Этот предмет – паровоз. Дача – у самой станции, и паровозы Федя видит ежедневно. Они, с дымом и свистками, воплощают самое большое счастье, какое только может быть. Но они же – ужасны, таинственны, если подойти к ним поближе. Их свист оглушает. Когда за обоями скребется мышь, то это уже шум, такой громкий, что ничего другого не слышно. Но когда свистит паровоз – то это уже не звук, не шум, это нож, разрезающий Федю пополам. От свистка можно взорваться и умереть. И потому, когда Федя бывает на станции, он при виде паровоза уже издали затыкает уши. Все смеются над маленьким трусом. Но разве они могут понять?

И вот он опять на досках платформы, где пахнет дегтем и маслом. Солнце печет. Он держится за мамину юбку.

– Вот поезд. Видишь? Он еще далеко. Но ты не затыкай ушей. Он сегодня не будет свистеть.

– Не будет?

Федя не умеет не верить. Но где-то копошится недоверие, Федины глаза уже не так ясны, как всегда.

Он со страхом смотрит на чудовище, которое все приближается и приближается. Это – скорый поезд, который не остановится. Вот он совсем близко. Вот загудели рельсы. Вот затряслась платформа. Вот уже слышен ужасный грохот. Пронзительный свист разрезает воздух. Федя, как сноп, падает на платформу. Глаза его закрыты, и лицо бледно, как снег.

Сбегаются люди. Мама испуганно трясет его за плечо.

– Это ничего. Просто очень чувствительный мальчик.

Федя открывает глаза и видит себя в объятиях мамы, а кругом стоят все чужие. Некоторые смеются, а один старый, в очках, недовольно качает головой.

– Ничего не случилось. Какой странный ребенок!

Чужие уходят, оглядываясь на странного ребенка.

– Что это случилось с тобой?

– А зачем ты сказала, что он не будет свистеть?

Свисток как разорвал Федю. Он встал, как будто целый, он уже не целый. Части не сходятся так, как прежде. В глазах появляется недоверие.

* * *

Бывает зима, бывает лето. Но Федя этого не знает. Бывает город и дача. Это уже более понятно. Город – это прежде всего коридор, широкий коридор, по которому можно бегать и по которому бегают все – он, Нелли, Боба, даже няня.

Город – это окна. На стеклах растут хрустальные папоротники, лилии.

Поэтому Федя скажет, что он был в лесу, а Боба ответит:

– А ты не ври.

Но он не врет. Он на дворе ловит снежные звездочки. Двор большой, и в нем растут деревья: каштаны, яблони, тополя. Каждое дерево обнесено зеленым забориком с белыми верхушками. Однажды вечером из-под пальто Бобы посыпались солдаты: он спилил верхушки с заборчиков; на каждой верхушке была острая белая шапочка.

Он и Нелли гуляют с няней. Они гуляют в церковном садике у самой Невы.

Но однажды прогулка началась странно. Как только захлопнулась дверь, няня вынула из кармана две хлопушки с конфетой. На каждой конфете была наклеена картинка.

– Вот вам. Сегодня мы не пойдем в садик. Мы поедем через Неву, только молчите, маме ничего не говорите. Если мама спросит: «Где вы были?» – то вы говорите: «Мы были в церковном саду».

Хлопушки не хлопали, а конфеты были невкусные, мучные.

Но через Неву поехали на санках. Кто-то большой и толстый пыхтел за санками. Санки скользили по синей ледяной дорожке, обсаженной елками. Навстречу неслись такие же санки. В них сидели дамы в шляпах, дети и мужчины с тросточками. Впереди тоже бежали санки, и кривоногий человек с зеленым шарфом коньками стучал о лед: от этого санки и двигались.

Эта дорога вела в другой мир. Этот другой мир назывался очень странным словом, он назывался: Охта.

Да, разве в этом мире бывают такие деревянные скрипучие лестницы? Такие двери, обитые лохмотьями? Такая вонь? Такие низкие и темные комнаты?

В комнатах сидят очень странные и страшные люди с большими усами, а один – с бородой и красным шарфом. Такие бывают извозчики или дворники. Только дома они – не страшные. А здесь они – страшные. Это и называется Охтой. Они сидят за столом и что-то очень страшно делают ножами. На стене висят бумажные веера. Лица сверкают сквозь дым. На столе – рюмки

и бутылки. В рюмки наливают чистую, белую воду, отрезают хлеб такими толстыми кусками, что надо ужасно широко раскрывать рты, чтобы засунуть хлеб за зубы. Да, они все ужасно широко раскрывают рты и суют туда хлеб, огурцы и селедку. Они смеются сквозь дым и пар, и Феде кажется, что это – разбойники. Когда они пьют воду, они опрокидывают голову назад, рюмкой хлопают о стол и ужасно кряхтят.

– Няня, что они делают?

Но няня уже совсем не няня. Она тоже ужасно широко раскрывает рот, дергает плечами, вытирает рот рукавом, и она вся красная. И разбойники тоже все красные. Дома она никогда так не дергает плечами и не бывает такая красная.

Делается что-то странное. Феде кажется, что все начинают прыгать головами, а няня страшно визжит и хохочет.

Обратно уже не ехали на санках. Шли по мосткам; было темно, и далеко, очень далеко сверкали городские огни. Дома мама спрашивает:

– Где вы были?

Няня едва заметно мигает.

– Мы были в церковном саду.

– И что же вы там видели?

– Мы видели красных разбойников.

– Что?

– Мы видели Охту.

Постепенно обнаруживается все. Дети еще не умеют лгать, даже за конфетку. Они даже не понимают, отчего няня плачет. Ведь они сказали, что были в церковном саду, как она учила их говорить.

Так подрастал Федя...

* * *

Когда ему исполнилось 5 лет, мама решила, что его надо учить грамоте.

Мама сама была не очень грамотна, но Федю решила учить сама. Ему дали тетрадь и букварь, на обложке которого был нарисован петух.

Теперь надо было в тетради выводить палочки. На каждой строчке была напечатана палочка, и эту палочку надо было изображать. Были палочки прямые, косые, тонкие, толстые, круглые. Потом начались буквы.

Но до букв еще не дошло, когда произошло небольшое событие, которое, однако, составило в жизни Феде эпоху.

Писание палочек началось летом, на даче.

Можно ли выводить палочки, когда растет трава?

Утром тетрадь и книга как-то сами собой исчезли: они скользнули под скатерть в передней. Там лежали фуражки и шляпы, столик был накрыт небольшой скатертью, вышитой мамой. Вот под эту скатерть с голубыми звездочками как-то сама собой скользнула тетрадь, а за ней заодно и книга.

Федя, неестественно насвистывая (никогда раньше он не свистел), очень медленно, ступенька за ступенькой, спустился в сад и прошел в самый дальний угол, где у забора росли георгины. Георгины были красные и желтые. Они приходились как раз в уровень его лицу.

Вдруг на верхнем балконе раскрылось окно.

Мама, красная от кухонного жару, повязанная платком и с поднятыми по локоть рукавами, высунула голову в окно.

– Федя, komm lernen.

– Ich kann nicht.

– Warum?

– Das Heft verloren⁶⁰.

Голова исчезла. Мама была не очень строга, когда на кухне ждало тесто. Она позовет его еще раз минут через десять. Сейчас ей некогда.

Федя продолжает рассматривать георгину, большой, пышный цветок. Солнце печет, ветра нет, кругом такая тишина, что он слышит стук своего сердца. Солнце падает прямо на его короткие волосы. И вдруг с георгиной происходит странное превращение: она смотрит на него. Она знает, что он сказал ложь, что он солгал первый раз в жизни. Но она не только не укоряет его, она делается еще в тысячу раз красивее. Она становится невиданным, райским цветком, тяжелым от красоты. И еще: эта красота – *потому что* он солгал, она цветет его лжи.

Сколько времени длится наваждение, он не знает. Он тяжело вздыхает и подымает глаза. Он видит, что георгин много, и все они смотрят на него. Он подымает голову. Тонкая ветка березы свисает, и, как сквозь кружево, он видит сквозь силуэты листьев небо. Ни один лист не шевелится. В первый раз губы шепчут:

– Как красиво!

У Феде будто открылись глаза. Кажется, что он ходит в заколдованном саду. Еще минуту назад сад был очень обыкновенный, а теперь он совсем другой. Медленно, медленно он идет по дорожке к калитке, открывает ее и останавливается у забора. Он прикладывает голову к забору, один глаз он закрывает рукой, а другим смотрит вдоль ровных колышков ограды. Что это? Забор, который был совсем небольшим, вдруг делается длинным-предлинным. В глазах начинает рябить. Странная вещь: забор не кончается. Он чем дальше, тем делается все меньше и меньше, но конца нет. А что, если он взаправду никогда не кончится? Что, если Федя вечно, вечно так будет стоять и не сможет уйти? И вдруг сквозь все существо его проходит что-то вроде воспоминания. Все это когда-то уже было. Со страшной ясностью он вспоминает: да, и георгина, и книга с петухом, и балкон, на котором вдруг открывается окно, – все это ясно-преясно уже один раз было. Но когда?

Секунду – только секунду – длится страшная мука. Нет, не вспомнить.

Федя отходит.

В этот день он учиться не будет. Пусть его бьют, колют, режут, пусть делают с ним, что хотят, сегодня он учиться не будет.

II

Федя растет. Теперь ему уже лет восемь. Мама находит, что он мальчик хороший. Он спокойный, послушный, вообще – пай-мальчик. Только он глядит как-то странно и любит задавать странные во- вопросы:

– А что думает петух?

– Почему у лошадей нет рук?

Он боится темноты, боится грозы. Грозы он перестал бояться только тогда, когда ему сказали, что гром бывает оттого, что господин Янковский (который умер давно) на небе катает белье.

Но хотя он хороший мальчик, он не воспитан. Мама понимает, что она не умеет воспитывать. Поэтому Федя бывает иногда нетерпелив, он непоседа и как-то странно иногда врет.

Надо взять воспитательницу. Пусть она будет учить детей по-немецки и по-французски и играть на рояле, пусть она научит их хорошим манерам. Она будет учить Федю и Нелли и будет и Бобе помогать учить уроки.

Дети стали ожидать великого события.

---

⁶⁰ – Федя, пойдем учиться.– Я не могу.– Почему?– Тетрадь потерял (нем.).

* * *

Великое событие совершилось в теплый весенний день, когда со двора струился нежный запах расцветающей яблони.

Дети ждали звонка. И вот звонок раздался. В дверях показалась фигура. Иначе ее никак нельзя было назвать. Это было что-то очень длинное, высокое, с огромной соломенной шляпой, на которой колыхались две красные розы. В руках был чемодан, а сзади показалась бородатая рожа извозчика, который нес что-то огромное вроде сундука.

– Здравствуйте, детки. Надеюсь, мы не будем с вами ссориться.

Фигура подошла к зеркалу и стала вынимать из самой головы – как показалось Феде – длинные-предлинные булавки, одну за другой, и осторожно втыкать их в висящий под зеркалом прибор.

Потом осторожно была снята шляпа и положена на стол. Показалась голова, совершенно невероятная по своей огненности. Дети переглянулись и поняли друг друга.

Рыжая!

Потом была снята мантия, и из-под мантии показалось лимонно-желтое платье с васильками. Был брошен еще долгий взгляд в зеркало. Дети смотрели туда же и опять переглянулись.

Веснушки!

Началась новая жизнь, совершенно новая и – ужасная.

Когда из сундука были вынуты платья, рубашки, носовые платки, фотографии и тысячи других вещей и все это было расставлено по шкафам, комодам, этажеркам, ящикам и другим многочисленным местам, Рыжая подозвала к себе Федю.

– Подойди-ка сюда! Покажи руки. Так. Зубы? Так. Чистил сегодня зубы? Нет? Поправь воротничок и галстук. Подтяни чулки. Теперь возьми стул и сядь против меня, и я тоже сяду. Теперь отвечай мне: ты хороший мальчик или нет?

Федя молчал.

– Ну?

– Я не знаю.

– Ты не знаешь? А я знаю. Повторяй за мной слово в слово то, что я скажу. Повтори: я гадкий, нехороший мальчик. Ну...

Федя повторил.

– Не смей шевелить руками и глядеть по сторонам. Сложи руки вот так. Теперь дальше. Ты говоришь иногда неправду?

– Не знаю.

– Опять не знаю. Повтори: я иногда говорю неправду.

Потом пришлось сказать, что он недостаточно любит папу, маму, Бобу и Нелли, что он непослушен, ленив, что не молится Богу, что он мучает животных, что он слишком любит конфеты.

– Ну, а хочешь ты исправиться?

Пришлось сказать: да, хочу.

– Очень хочешь?

– Очень.

– Повторяй: я хочу каждый день молиться. Я буду любить папу, маму, Бобу и Нелли. Я никогда не буду говорить неправду и т. д. и т. д.

– Так. Ну вот. Ты знаешь, кто я? Я должна помочь тебе исправиться. Сознание своих грехов и раскаяние есть первая ступень к исправлению. Поцелуй меня. Я тебя отпускаю. Позови теперь Нелли.

В гостиной сидел Боба, задрал ноги на диван и положив подбородок на колени, надув щеки. Нелли, наклонив головку, со вздохом вошла в спальню.

– Ну, не дура ли? Феноменальная дура. Это тебе наняли ее, тебе и Нельке, да, а не мне. Я уже латынь изучаю, а она в этом ни шиша не понимает. Да. Ни шиша. Ха! Я ее проучу. Погоди! Еще сегодня вечером.

Через полчаса вернулась Нелли и позвала Бобу.

– Она сказала, что я хорошая девочка. Да.

Нелли от гордости как бы выстукивала головой каждое слово.

– Вот. А про тебя она сказала, что ты, может быть, хороший, а может быть, злой, и что если ты будешь злой, чтобы я ей говорила. А про Бобу она сказала, что он, кажется, нехороший, но что она еще посмотрит. А еще она сказала, что дети всегда должны говорить «спасибо» и что она начнет нас учить сегодня за столом, потому что мы не умеем говорить как следует «спасибо». И еще она нас будет учить французскому и по-немецки.

Через десять минут из комнаты выскочил Боба, красный, как мак, и со злыми, блестящими глазами.

Нелли только еще успела сказать:

– Я ее очень буду любить. Очень. Вот увидишь.

Детей позвали к столу. Мамы не было. Мама отстранилась, чтобы не мешать воспитывать ее детей.

Дети разом сели на свои места и взялись за вилки в ожидании картошки.

– Дети, дети, разве так можно? Разве так садятся за стол? Встаньте.

Дети встали.

– Федя, ты, как младший, первый прочти молитву.

Федя прочел.

– Нелли!

Нелли прочла.

– Боба!

Одну секунду всем показалось, что сейчас произойдет что-то ужасное. У Нелли глаза расширились до невероятности. Секунду – одну секунду Боба растерялся. Потом он уверенно и весело прочел – другую молитву. Из глаз Рыжей сверкнули молнии.

– Так. Теперь сядьте. Уберите руки со стола. Положите левую руку на правое колено. Так. Теперь положите правую руку на левую. Федя, покажи, как ты держишь руки? Так. Нелли? Боба?

Боба тоже показал руки, но так, что Федя под левой рукой увидел шиш.

– Теперь можете начать есть. Нет соли? Нелли, скажи: пожалуйста, передай мне соль. Федя, передай Нелли соль. Нелли, скажи «спасибо» и посоли. Так. Передай обратно Феде. Федя, скажи «спасибо» и посоли. Боба...

– Благодарю, спасибо, merci⁶¹, мне не хочется соли. Я люблю картошку есть без соли.

– Передай, пожалуйста, соль мне. Спасибо.

Когда встали <из-за> стола, Боба ущипнул Федю.

– Ты считал? Мы все вместе сорок восемь раз сказали «пожалуйста» и шестьдесят один раз «спасибо». Очень интересно!

Но Федя не слушал. Он, как всегда, опять чего-то не понимал. Феде хотелось плакать. Он ушел в гостиную. Там в углу стояла большая пальма. Он бессмысленно стал смотреть на эту пальму и на травинки, растущие в сырой земле. Но он не видел ее. Он видел тонкие руки, берущие соль, рыжие волосы, тонкие бескровные губы и часики в кулаке на золотой цепочке. Почему-то часики казались ему особенно ужасными. Еще он видел почти белую кожу лица, на

---

⁶¹ Merci – спасибо (фр.).

котором веснушки сливались в сплошные бурые пятна. Голос как нож вонзался в душу. Федя бессмысленно вырывал травинки под пальмой. Он нагнулся, чтобы понюхать землю, и вдруг заплакал.

– Ну вот! Распустил нюни.

Боба шел с тетрадами и книгами под мышкой. Он шел туда.

– Тут, брат, у меня задачка есть, *задача* \ Понимаешь, поезда выходят с разных станций А и В друг другу навстречу. Но ты, впрочем, еще дурак, все равно ничего не понимаешь. Ну, одним словом, один поезд идет быстрее, а другой потише, один выходит в 12 часов 45 минут, а другой – в 3 часа 20 минут. Ну и так далее. Одним словом, вся штука в том, на какой версте поезда встретятся? Понимаешь? На какой версте? А? А я решил, а она не решит.

У нас в школе только двое решили, я там списал и теперь все знаю. А она не решит, об этом ты уж не беспокойся.

Боба дал Феде подзатыльника и вошел. Но сразу же, как ошпаренный, выскочил. Он сделал ужасную гримасу Феде:

– Стучать велит!

Боба легонечко постучал в дверь и сладким голосом спросил:

– Можно?

Изнутри что-то ответило.

Боба еще раз сделал гримасу Феде и вошел. Через десять минут он выскочил и бесшумно начал отплясывать по ковру, хлопая себя книжкой по щекам, по голове, по заду.

– Ай да я! Ай да я! Не ква-ква-ква! Не решила, не решила, не решила! Чуть-чуть не решила! Но вдруг меня осенило. Она что ни говорит, а я все: «почему?» Она дальше, а я опять: «почему?» Ну и сбил.

Так <как> было воскресенье, к вечеру пошли гулять и по дороге разговаривали по-немецки.

Вечером началось умыванье.

В ванну была поставлена табуретка, на табуретку был поставлен таз. В таз была налита теплая вода, и такая же вода была налита в огромный кувшин. Кувшин взяла Рыжая.

– Раздевайся до пояса!

Феде совсем не хотелось раздеваться. Хотя ему было только <восемь> лет, но где-то в глубине была темнота неизведанного, и оттуда что-то не пускало, не давало раздеваться.

Но он все же открыл свои узкие плечи и острые, костлявые лопатки, которые двигались под гибкой, как резина, детской кожей.

Сперва надо было намылить голову, вымыть лицо, уши и шею. Шею Рыжая поливала из кувшина.

– Покажи шею? Грязно! Нагибайся.

Рыжая сама взяла мыло и намылила шею еще раз. Потом руками, которые оказались мягкими, стала водить по шее, потом по спине, по груди, под мышками. Пальцы и ладони скользили по телу, гладкие и душистые от мыла, скользили дольше, чем нужно было. Если бы он мог видеть лицо Рыжей и ее глаза, Федя вскочил бы и ударил ее полотенцем. Но он ничего не видел. Он терпел и не понимал.

Потом мыли Нелли, очень быстро (хорошая девочка), а Боба почему-то мылся сам.

Это происходило каждый вечер.

* * *

В следующее воскресенье Рыжая собрала всех детей и поставила их в полукруг. Она взяла какую-то толстую книту в желтом кожаном переплете и стала читать проповедь. Чем дальше она читала, тем громче раздавался голос и переходил в визг. Потом она села за рояль и

стала петь какие-то псалмы, и дети должны были петь за ней. Потом каждый должен был читать «Отче наш», «Верую» и все молитвы, какие он знал. Потом она сама встала на колени и стала выкрикивать молитвы. Она простирала руки к небу, стучала лбом о пол и кричала ужасные слова о грехе, об очищении, о раскаянии, о Спасителе, и опять о грехе, опять о раскаянии и Спасителе, о детях, агнцах божиих, которых она спасет от геенны огненной. Крик переходил в плач, плач перешел в хохот, и, наконец, Рыжая, как сноп, свалилась на пол и осталась лежать неподвижно на земле.

Нелли испустила дикий крик:

– Милая, что с вами, встаньте! Я очень боюсь. Я так боюсь.

Мальчики стояли с трясущимися губами. Но Рыжая, как ни в чем не бывало, встала с полу.

– Нелли, как ты причесана? Поправь гребенку. Это хорошо, что ты плачешь. Плачь, плачь. Плач омывает душу. У тебя сзади видна нижняя юбка, уйди и поправь.

Нелли бросилась ей на шею.

– Милая, какая вы хорошая! Какая вы добрая! Вы – святая.

* * *

Но с этого дня дети заметили какую-то перемену. Боба ухмылялся, не говорил ни по-французски, ни по-немецки и не учился с Fräulein⁶². Молитвы прекратились. Должно быть, Боба что-то сказал папе или маме.

Через две недели наступило блаженное время, время, до которого оставалось сперва тридцать дней, потом двадцать девять, потом двадцать восемь и, наконец, три долгих дня, потом два дня, один день, и, наконец, этот день, первый день летних каникул, наступил.

На дворе появились три подводы. Бородатые люди, от которых чудесно пахло сапогами и еще чем-то, старались ходить тихо. Но это у них не получалось. С грохотом двигались стулья, кровати, сундуки, чемоданы. Дверь на лестницу, дверь, которую всегда так тщательно запирали, была открыта настежь, и с лестницы струился воздух: воздух свободы. Картины, люстры, кресла были занавешены чехлами. Дети бегали вверх и вниз по лестнице с красными щеками и сияющими глазами.

Но Федя не очень бегал. Он все смотрел, когда уйдут Fräulein, мама, мужики, вообще, когда уйдут все и в комнате будет он один. Тогда он уходил в угол, нагибался и там что-то делал. Т<ак> к<ак> все были очень заняты, то он часто мог уходить и делать что-то свое. Лицо у него было очень довольное.

Но вдруг вошла Рыжая и, как коршун, набросилась на Федю и схватила его за руку.

– Что это у тебя?

– Это... это...

Показался небольшой холстяной мешок. Из мешка посыпались: ножик, краски, увеличительное стекло, деревянная лошадка, дощечки, кубики, гвозди, старый мундштук, банка из-под вазелина, банка из-под консервов, заграничная спичечная коробка и много других вещей.

– Ах вот что! Секреты? У хороших детей не бывает секретов. Хорошие дети всегда откровенны и все говорят. Давай сюда!

Мешочек был унесен. Где-то щелкнул замок. Это запирали на ключ Федино счастье.

– Становись в угол и стой в углу, пока не уйдут лошади.

Федя покорно встал в угол. Сердце его наполнилось горем. Лошади уйдут без него! А они с Бобой сговорились, что они дадут лошадям хлеба. Но теперь ему все равно. Пусть уедут. Он останется в городе. Или уйдет в лес, далеко, так, чтобы его не нашли.

---

⁶² Fräulein – девушка (нем.).

В таких мыслях прошел час. Подбегал Боба.

– Ты ничего. Она дура. Ты погоди, я ее накажу.

Федя слушал, как ушли лошади, как заперли и заложили дверь на лестницу, но ему было все равно. Он никого больше не любил и ничего в жизни уже не хотел.

Вдруг за его спиной раздался ужасный крик.

Федя обернулся.

Рыжая стояла в середине комнаты и подобрала юбки до колен.

По полу медленно полз огромный черный таракан, толстый, как грецкий орех, и очень важный.

– Боба! Скорей! Раздави его, раздави его, раздави его!

Боба уже вбегал.

– Кого? Что? Давить?

– Таракана! Таракана! Нет. Подожди, не дави. Я отвернусь и закрою уши. А когда ты его раздавишь, ты крикни погромче: «готово!» – и унеси его.

Рыжая отвернулась и в каждое ухо глубоко засунула по указательному пальцу.

Боба высоко поднял ногу. Но вдруг лицо его расплылось в хитрую улыбку, которая не обещала ничего хорошего.

– Готово!

Рыжая вынула пальцы из ушей и осторожно оглянулась.

Хлоп!

Случилось то, чего Боба никак не мог ожидать. Рыжая открыла рот, закрыла глаза и свалилась на пол, как будто ее срубили. Она упала в обморок. Она действительно, по-настоящему упала в обморок, и ее пришлось положить на постель, расстегнуть и опрыскивать одеколоном.

* * *

На даче было нехорошо.

В саду провели черту, и Рыжая сказала:

– До этой черты вам можно ходить без спросу. А если вы хотите идти дальше, надо спросить меня.

А самое интересное было за чертой. Там был забор, который когда-то открыл Феде бесконечность.

Там был огород, и в огороде была малина, земляника, морковка. Там был пруд, и на пруду росли кувшинки. Еще дальше было шоссе и железная дорога. И надо всем – ужасное слово: слово «нельзя». Есть и другое ужасное слово, слово, которое произносится робко, тихо, а потом уже не произносится вовсе: слово «можно?»

– Можно в песок поиграть?

На дворе – куча песка. Но в песок играть нельзя. По нему ходят ногами, и он грязный. В сарае есть дрова и куча стружек и щепок. Кухарка носит их в кухню.

– Можно мне поносить стружек?

– Нельзя. Ты занозишь пальцы и рассыплешь стружки по дороге.

Счастливый Боба! Для него нет запретной черты в саду, проведенной каблуком воспитательницы и возобновляемой каждое утро.

Но и для него есть пытка, общая утренняя пытка всех трех детей. Эта пытка называется прогулкой.

Все дети надевают все чистое: воротнички, галстучки, причесываются, моются. Берут под мышку французский разговорник и идут гулять.

Под большим дубом или у речки расстилают плед. На плед садятся.

– Сегодня разговор № 3. Нелли, начинай.

Нелли читает «отца», а Боба «сына». Потом наоборот. Одна страница читается десять, двадцать раз. Федя еще не умеет читать по-французски, он тоскливо слушает.

Отчего дети теперь всегда молчат? Они не бегают, они ходят как больные, и щеки у них бледные.

Федя теперь молчит почти всегда.

Только после чая, от пяти до семи, они немного отходят.

После чая Рыжая уходит в лес.

– Дети! Я уйду в лес молиться. Я буду молиться и за вас.

Однажды вечером, только что Рыжая ушла, Боба дернул Федю за рукав.

– Пойдем со мной. Живо! Я покажу тебе что-то интересное.

Они побежали и дошли до черты. Федя остановился. Нельзя!

– А ты перескочи и беги со мной. А то ничего не увидишь.

– Далеко?

– Увидишь.

Они бежали и крались вдоль кустов, прятались за деревья и шли все дальше. Начиналось болото.

Но вот открылась полянка. У полянки стояла сосна, а под ней был огромный муравейник. Мальчики спрятались за ольховый кустарник.

– Сиди тихо и смотри, что будет.

Через минуту показалось белое платье. Это была Рыжая.

Она села на пенек и несколько минут сидела молча. Потом она потихоньку встала и сняла шляпу. Затем села и сняла ботинки и чулки. Потом опять встала и стала расстегивать кофточку.

Она стала раздеваться вся. Дети увидели все подробности ее туалета. Вскоре она оказалась совершенно голой.

– Уйдем.

– Подожди. Только начинается.

Рыжая сделала несколько шагов вперед. Она остановилась, запрокинула голову к небу и развела руки ладонями кверху. Так она стояла минуту, две, три.

– Что она делает?

– Комаров кормит.

– Что?

– Комаров кормит. Ей-богу. Т-с-с. Я, знаешь, раз убил при ней комара. Так она меня чуть не убила. Говорит: они тоже должны жить. Бедные комары, говорит. Все их убивают. Хорошие люди, говорит, не должны убивать комаров. Надо, говорит, чтобы были такие люди, которые их кормили. Вот она и занимается.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать.

– Ой, меня комары кусают.

– Меня тоже. Уйдем.

Мальчишки пробрались домой.

Через неделю они пошли опять посмотреть, как Fräulein кормит комаров.

К удивлению, за их кустом уже сидели два парня и щелкали семечки. И с другой стороны тоже сидели, а один сидел на дереве и смеялся.

Вся деревня уже знала, что Рыжая кормит комаров, и ходили ее смотреть. Но она не знала ничего. Она стояла, расставив руки и запрокинув лицо к небу, и из глаз ее текли слезы.

III

По субботам приезжал папа и уезжал в понедельник. И вот однажды, в воскресенье, детей никто не разбудил. Они встали одни.

Когда Федя постучался в комнату Fräulein, никто не ответил. За столом ее тоже не было. Папа коротко сообщил, что Fräulein уехала в город и больше не приедет.

– Как? Совсем? Никогда?

Медленно, медленно стала возвращаться жизнь.

Черты в саду уже нет.

Теперь можно все.

Утром можно не мыть рук, а вечером не надо наклоняться над табуреткой с тазом и мыльной водой.

Можно пойти на огород. Он залит солнцем. На солнце сверкает мохнатая, темно-зеленая травка. Если вытащить такую травку, под ней окажется желто-красный корешок. Корешок можно вытереть о сочный подорожник. На морковке останется немножко земли, и земля будет хрустеть под зубами.

На огороде есть пруд с зеленой водой. На берегу – лягушки. По воде, будто на коньках, бегают и качаются длинноногие жучки. Можно вытащить со дна зеленую тину и выжимать ее, как губку. И из этого пруда можно напиться, если запечет солнце.

А главное – можно ходить босиком, совсем босиком. Только надо выйти за калитку и спрятать туфли и чулки под забором. Тогда можно. В карманы можно класть все что угодно. Но в карманы собиралось только самое интересное и драгоценное. А самое драгоценное – это камни, щебень, который кучками лежит по сторонам шоссе. Есть камни красные, как кровь, и черные, как уголь, с серебристым отливом на изломах. Есть розовые с черными, жесткими зернами и жилками; черные зерна сверкают на солнце, если их повернуть как следует. Но самые драгоценные камни – это белые. Молочно-белые, мутные, непрозрачные, но красивые, как тучи; но есть и прозрачные, которые пропускают свет почти как вода. Камни приносились фунтами и клались под кровать. Осенью оказалось несколько пудов камней. Странно, почему из таких камней не строят дворцов с фонтанами и садами?

Самое замечательное, что теперь можно взять *все*, что увидишь, никого не спрашивая, не произнося самого отвратительного слова на свете, слова «можно мне?». Например: в саду растет высокая, старая елка. Сучья начинаются с самой земли. А на верхушке есть чудо: есть красные шишки. В первый раз в жизни Федя увидел красные шишки.

Три дня он размышлял: лезть или не лезть?

Лезть можно. Уже выбран первый сук, на который можно забраться, и второй, и третий. Дальше – не видно. Можно, но страшно.

На четвертый день Федя встал пораньше, чтобы полезть до кофе. Утром в саду никого не бывает.

Сердце стучало. На первый сук он забрался раньше, чем успел подумать. И только когда он протянул руку за третьим, он вдруг сказал себе:

– Ой, я, кажется, уже полез!

Прыгнуть или не прыгнуть назад? Но прыгать невозможно – застрянешь. А лезть назад – ужасно трудно. Спускаешь ногу – а там ничего нет. Надо смотреть вниз. А смотреть вниз – срывается рука.

Сердце забило так, что стало слышно.

Федя посмотрел вверх. Где же шишки? Их не видно. Голова стучается о сучья, ветки царапают лицо. Руки вдруг стали липкие, как будто выпачканные в синтетиконе.

Но вот вдруг стало свободно голове.

Федя поднялся еще на один сук. Потом еще на один, и еще на один. Полез дальше.

Ветки все гуще, но наверху светлее. Только вот – сучья здесь вдруг покрыты иглами, а внизу этого не было. От этого скользят ноги, и хватать руками такие сучья больно. Все страшнее и страшнее. Но он лучше умрет, чем ползет вниз. Он ползет вверх, достанет шишки.

Ствол уже совсем тонкий и гнется. Он ступает на тонкие ветки, и ветки гнутся. Подошвы уже совсем скользкие. Но если наступать у самого ствола, то можно устоять. Стало трудно дышать.

Но вот-вот-вот шишки. Ветки густо усеяны красными шишками, и все на свете забыто.

Мама, огород, пруд, постель – все это так далеко, все это было так давно и проходит молнией сквозь мозг, как воспоминание о другой жизни.

Из рук идет кровь. Чулки, штаны, блузка порваны.

Рука хватает ветку – ветку высшего счастья на земле, ветку, за которую положена жизнь. Что-то вонзается в глаз. Иглы забираются за ворот, в штаны, под чулки. Горячие руки хватают ветку. Фуражка слетела. Со лба течет пот и попадает в рот. Федя слизывает соленый пот.

Но – ветку не оборвать. Не оборвать! На минутку Федя приходит в себя. Господи, как высоко! Он видит под собой крышу. Что, если упасть? Грядки на огороде совсем маленькие. Может быть, оборвать шишки? Нет, это совсем, совсем неинтересно. Это не то. Надо ветку с шишками. Надо рвануть хорошенько. Федя дергает изо всех сил, морща лицо в ужасную гримасу. Оборвалась!

В следующий миг он летит спиной вниз, крепко держа в руках ветку. Закричать он не успел. Он повис на сучке и живо ухватился свободной рукой за другой сук.

Только тогда он закричал не своим голосом, потому что долго держать ветку невозможно. Если *сейчас, сейчас*, сию минуту не придут, он свалится.

Но уже кто-то лезет.

– Держись, не отпускай, говорю тебе, держись!

Это – смазчик со станции, шел с работы и услышал вопль.

Запахло маслом и потом, и еще чем-то. Через полминуты он уже был на земле.

А внизу уже стояли все.

Мама вытирала глаза кончиком передника. Нелли держала во рту палец.

Боба обхватил себе бока и корчился от смеха.

Смазчик поставил Федю на ноги, снял фуражку, вынул из фуражки просаленный носовой платок и стал вытирать себе пот.

– Герой! Герой! Ты бы спрыгнул.

Это хохочет Боба.

– Доктора! Доктора! У тебя ничего не болит? Ты не ушибся?

Это плачет мама.

– И зачем ты полез? Для чего? Кто тебя просил лезть на елку?

– Я, мама, хотел шишек. Видишь – вот.

Рука держит веточку.

– Вы бы, барыня, его этой самой веткой да по ж...е, по ж...е. Всю одежду продрал.

– Молчите, вы ничего не понимаете. Вы спасли его. Вот – пожалуйста.

Бумажка вместе с носовым платком идет под фуражку.

– А теперь, негодный мальчишка, скажи спасибо человеку, который спас тебе жизнь!

Федя шепчет: «Спасибо, спасибо».

– Ну, а теперь марш домой!

Все гуськом идут домой. Федя смиренно идет впереди.

Дома его раздевают, моют, одевают во все чистое, причесывают и сажают за стол.

Решено, что теперь за ним будет присматривать Боба. Ему уже 15. лет, не маленький, он уже перешел в шестой класс, разумный мальчик, как думает мама, во всяком случае – прилежный. После кофе Боба посмотрел на Федю.

– Несчастный! Теперь я тебя буду воспитывать. Это тебе не Рыжая. Во-первых, идем сейчас со мной.

Они вышли за калитку, пошли по дороге, дошли до канавы, поросшей кустарником, и остановились. Здесь Боба вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Ох! Если бы так свистеть! Но Феде так никогда не научиться.
Из-за кустов сразу ответило два таких же свистка.

– Стой на месте, и Боже тебя упаси пошевелиннуться!

Боба пошел к кустам.

Вдруг откуда-то появились две фигуры, поменьше Бобы, с черными, как показалось Феде, лицами и очень подозрительными кепками. Обе фигуры держали руки в карманах. Они подошли к Бобе, стояли довольно долго и о чем-то шептались. Теперь руки уже выделявали какие-то знаки. Потом они все трое пошли прямо на Федю.

– Ой, ой, что они со мной сделают!

– Перрр!

Что значит «перрр»? Федя ничего не понимает.

– Пер, тебе говорят!

Из жестов Федя понимает, что «пер» значит «вперед», «пошли».

Пошли к дому.

– Что вы со мной сделаете?

– Не с тобой. Молчи.

– А где же ты, милый мой, шишек себе наставил? Погляди-ка, весь лоб в шишках!

– Ха-ха-ха, он за шишками полез. Вот и получил! Получил! Ха-ха-ха. Феде очень хочется плакать.

– Знаешь, куда мы идем?

– Ничего я не знаю. И не хочу.

– Не хочешь? Молюлишь, да? Молюлишь? А мы идем Яшку-жида запирать. Понял?

У Феде чуть не остановилось сердце. Здрожали ноги.

– Мо-лю-лю?

Теперь Федя понял: «молю» означает ужасное презрение.

Но пусть. Пусть. Пусть они его презирают. А он презирает их. Всех.

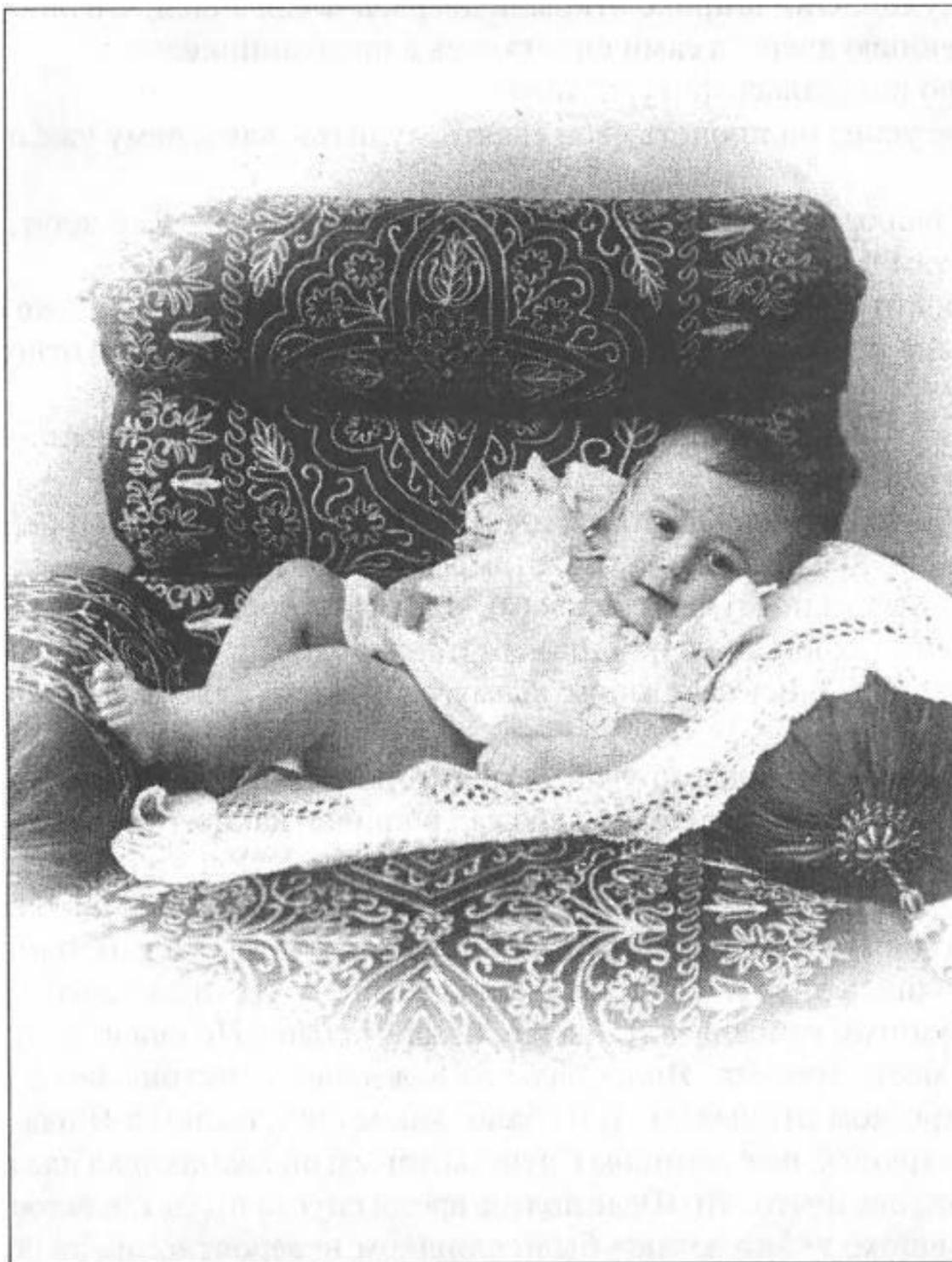
Яшка-жид был очень страшен. Это было почти так же страшно, как паровоз. Он приходил по воскресеньям и кричал: «Пяять, лудить! Пяять, лудить!» Что значит «пяять, лудить!» – Федя не понимал. Эти слова нельзя говорить просто. Их надо петь, потому что Яшка их поет. И петь их нельзя просто. «Ллл-удить» надо петь так, как будто бы в это время во рту лопаются страшный пузырь. Федя пробовал, но у него ничего не выходило, не лопалось так, как у Яшки. Яшка всегда ходил с кастрюльками, сковородками, самоварами, с длинной кочергой, с какими-то щипцами и ужасными штуками. Этими штуками он барабанил по кастрюлькам и сковородкам, и Яшку было слышно далеко. Лицо у него было черное, как у трубочиста, и весь он был черный и страшный. Только глаза были белые и ужасно большие, почти как у лошади. Да, как у лошади. Когда приходил Яшка, Федя всегда убегал вверх – только не на кухню, потому что Яшка иногда приходил на кухню и ел там. Но пока он бывал на дворе, Федя всегда смотрел на него через какую-нибудь шелку. Нельзя было не смотреть – очень уж было интересно. Говорили, что Яшка живет под землей. Это совсем не удивляло Феде. Где же и жить <ему>, как не под землей? Федя представлял себе, как он вылезает из-под земли. Сперва – голова, потом – плечи с кастрюльками и сковородками; потом лезет кочерга – и сам он вылезает и гремит, и показывает белые зубы. И вот Яшку хотят запереть! Будет страшное несчастье.

Когда подошли к дому, с соседнего двора уже слышался Яшкин трезвон. Боба подошел к Феде.

– Иди!

Федя беспрекословно пошел за Бобой. Он поставил его у двери и сказал:

– Если тыпустишь Яшку на кухню, мы тебя отдубасим. Стой здесь.

В. Я. Пропп. 1895 г.
(РО ИРЛИ, ф. 721, ед. хр. 269)

К удивлению, он подошел к тем двум и опять стал с ними шептаться, но очень недолго. Двое мальчишек стрелой побежали к бане, которая была против кухни. Они широко открыли дверь, и Федя видел, что они открыли и внутреннюю дверь, а сами спрятались в предбаннике.

Скоро показалась фигура Яшки.

Но не успел он пропеть свое «паять, лудить», как к нему уже подбежал Боба.

– В баню, иди в баню. Там куб испортился. Тебя уже ждут. И кастрюльки там положены.

Федя стоял ни жив ни мертв. Что куб испортился, это он уже слышал; вчера была суббота, и баню не топили. Но какое это имеет отношение к Яшке?

Яшка спокойно пошел к бане. Боба остановился в середине двора и страшно серьезно стал смотреть ему вслед.

Вот он вошел в предбанник, и вот и в баню. Как только он переступил порог, дверь предбанника с грохотом захлопнулась, звякнул тяжелый засов. Те двое стали стучать кулаками в дверь и кричать какие-то, должно быть, очень нехорошие и обидные для Яшки слова в дверь. Потом они выбежали и спрятались за помойную яму, а Боба спрятался в ящик под навесом.

Теперь послышался другой стук: это изнутри кулаками во всю силу стучал Яшка. Он пронзительно визжал и кричал какие-то совсем непонятные ужасные слова. Потом на секунду умолк и стук и крик, а после этого послышался ужаснейший трезвон, стук и крик одновременно. Это Яшка стучал в дверь, гремел своими кастрюльками и визжал. Бобина голова ушла в ящик, а двое мальчишек окончательно исчезли за помойной ямой. На дворе мигом собралась толпа и побежала к бане. Но она не успела добежать до места грохота. Яшка надсаживал дверь изнутри. Засов отлетел, дверь с треском открылась, и из бани, как мячик, вылетел Яшка, уже без своих кастрюлек, но с веником в руке, которым он размахивал над головой. Тут случилось нечто, что Феде долгое время спустя представлялось никогда не бывшим, т<ак> к<ак> было слишком невероятно: из-за помойной ямы выскочили оборванцы и с выражением самого неподдельного ужаса на лице стрелой понеслись к калитке.

Яшка зарычал и, расталкивая толпу, понесся за ними.

Что произошло дальше – навсегда покрыто мраком неизвестности. Но через полчаса Яшка уже мерным шагом возвращался на двор, ухмыляясь во все лицо и очень довольный. Его накормили на кухне. За едой он говорил громко, взволнованно и непонятно. Потом, посвистывая, стал чинить в бане бак, потом наколотил сорванный им засов, и через минуту его пение и гром кастрюлек уже слышались в соседнем дворе.

Только тогда из ящика под навесом показалась голова Бобы, вся в стружках и сильно растрепанная.

Так началось новое воспитание Феде.

Боба брал его с собой на рыбную ловлю. К речке шли мимо лесопильного завода. Там лежали штабеля разных сортов древесины. Лучше всех были простые осиновые дрова. Осина пахла чудесно. Федя всегда прикладывал нос к этим поленьям, а Боба над ним смеялся. Ездили на лодке далеко, «до порогов». «Пороги» раньше всегда казались Феде ужасно далекими: он только слышал о них. И казалось, это где-то там, очень далеко, где Сибирь. А теперь туда очень просто доехать.

Мир не становился больше. Чем больше Федя видел, тем меньше становился мир.

Он видел новые цветы. Он первый раз увидел, как растут ландыши. Он собирал ромашки, колокольчики, гвоздику, медуницу, которая пахла чудесно и на которой всегда сидели маленькие черные жучки.

Удиль рыбу нравилось. Нравилось, что красный поплавок качается близ листьев водяных лилий. Когда тащишь рыбу, она еще в воде, а в руке уже слышишь ее трепет и сопротивление, и это так хорошо, что можно кричать от счастья. Но Боба не позволял кричать. Надо было говорить шепотом, а то рыбу можно испугать. Говорить шепотом тоже нравилось.

* * *

Но рыбная ловля скоро была забыта для более высокого и важного занятия.

Папа привез Бобе подарок не по летам: он привез ему настоящий английский пистолет. Этот пистолет подарил ему для сына приятель по делам, и папа решил передать его по назна-

чению вместе с тяжелой коробочкой в сотню патронов. Теперь Боба был героем дня, и Федя ходил за ним по пятам.

На помойную яму слетались вороны. Они каркали по утрам и не давали спать. Было решено, что надо застрелить ворону.

Боба долго учился стрелять. Он стрелял по мишеням, по бутылкам, которые ставились на столб и иногда со звоном разлетались на куски, по жестяным банкам, которые вешались на деревья. И вот, наконец, решили стрельнуть в ворону.

Подшли совсем близко к помойке и засели. Прилетело несколько галок. Они стояли, оглядывались, ничего не трогали. Но вот одна ударила клювом – ударила и сразу остановилась, чтобы оглянуться. Потом другая, потом третья. Галки успокоились. Медленно, медленно Боба поднял пистолет, облокотил его в левый локоть и стал прицеливаться.

Короткий сухой звук, легкий дымок – одна галка осталась лежать.

Мальчики подскочили.

Галка была еще жива. Она не могла ни летать, ни ходить, она трепетала, вздрагивала и билась. Вдруг ее всю подернуло, и она, как человек, стала изрыгать только что съеденную пищу.

– Ее рвет.

Федя побледнел, как полотно. Боба стиснул зубы.

– Возьми ее.

– Не хочу.

Боба сам нагнулся и в одну секунду свернул ей шею.

– Трус! Не можешь ворону убить.

– А ты?

Боба молча вытащил из кармана веревочку, взял длинный шест и привязал к нему ворону. Шест он водрузил у помойки.

С этого дня между братьями легла тень. Федя опять не понимал. Думать он не умел. Он не понимал, что кормить комаров, как Рыжая, нельзя, и что убивать ворон тоже нельзя.

«Нельзя» – слово, тысячу раз слышанное от Рыжей, от папы, мамы и от всех больших, новым словом стало давать незаметный росток изнутри.

Но Федя все же продолжал ходить за Бобой. Стрелять ворон стало неинтересно. Ворону убить нетрудно. А вот воробья!

Воробьи стаями налетали на огород, <клевали> семена, зерна, ягоды. Они садились на забор в ряд, как солдаты, и чирикали. Но воробей – птица непостоянная, увертливая и пугливая. Воробей долго на заборе не сидит.

Боба придумал. Веревками, проволокой, дощечками и гвоздями он укрепил пистолет к забору так, что дуло было направлено прямо вдоль верхушек, на которых любили сидеть воробьи. К курку он привязал веревку и сел в канаву.

На этот раз ждать пришлось долго. Феде стало скучно. Он забрался в малинник и стал склевывать ягоды.

Вдруг опять знакомый, сухой звук и легкий дымок.

– Эй! Сюда, скорей!

Боба ползал вдоль забора.

– Четыре штуки! Давай я тебя пересажу через забор, там еще пара. Вот это здорово! Шесть штук за один выстрел!

Вечером за ужином ели жареных воробьев. Но было странно, что воробьи такие маленькие. На заборе они сидели такие пушистые, широкие, а теперь – какие-то косточки, похожие на спички, даже тоньше спичек, и такие крохотные. Есть воробьев не хотелось.

– Не хочу. Ешь ты.

Теперь Федя уже не играл больше с Бобой. Как-то само собой случилось, что он стал играть больше с Нелли.

Нелли часто называли странной девочкой. Хотя ей было уже лет десять, она все еще сосала пальцы и грызла ногти. Даже Рыжая не могла ее отучить от этого. Она ставила ноги носками внутрь, и это придавало ей что-то жалкое, так что ее можно было или очень любить, или надо было ее ненавидеть. Боба ее презирал. Она была очень привязчива, она хотела любить и часто плакала. Когда ее спрашивали: «Отчего ты плачешь?» – она отвечала:

– Меня никто не любит.

Так как ее «никто не любил», она любила своих кукол. Она всегда таскала с собой за руку куклу Клару, фарфоровую куклу с большими круглыми глазами и с длинными ресницами.

У нее была кукольная комната, где в большом порядке стояли кровати, круглый стол, стулья, креслица, пианино. На стене висели часы и картинки, вырезанные из журналов.

У нее была коробочка, оклеенная морскими раковинками, где лежали ленты, нитки и картинки для наклеивания, которые казались высшей красотой в мире: розы, орхидеи, анютины глазки и опять розы, незабудки с голубками и без голубков. Эту коробку она держала под подушкой.

Когда детям давали конфет, она никогда не съедала их сразу. Она уносила их к себе и ела по одной, стараясь растянуть сосание. Она сосала их, когда у мальчиков уже давно ничего не было, сосала их нарочно так громко, чтобы мальчики слышали.

Федя стал играть с Нелли в куклы. Они играли в доктора, в крестины, в переезды, и это было очень интересно. У Феде была железная дорога. Нелли пускала с Федей поезда, и в них сажали кукол, нагружали всю мебель.

Во дворе играли в кондитерскую. Делали торты из песка, украшенные лепестками ромашек и колокольчиков, делали варенье из разрезанных цветов. И наконец, ходили в кухню и из остатков теста скатывали, лепили и пекли настоящие маленькие крендели.

Приходили девочки с соседнего двора. Играли все вместе, и все, <наперев>, целовали Федею. Он пришелся им очень по вкусу.

– Какой хорошенький мальчик! Пусть он всегда будет играть с нами.

* * *

В саду трава была сеянная, и в траве росли маргаритки.

Было раннее утро. Нелли в белом платье и Федя собирали маргаритки и делали маленькие букетики.

Вдруг за липой послышался выстрел. Это Боба стрелял воробьев.

– Федька, Нелька, скорее сюда! Смотрите, как ловко я стреляю!

Дети подбежали.

Боба держал за ноги воробья.

– Посмотрите-ка на этого воробья.

Нелли протянула головку и вдруг отскочила. Она бросила маргаритки на землю и стала топтать ногами.

– Гадкий, гадкий, злой мальчишка, что ты наделал! Гадкий, гадкий!

Она замахала руками, бросилась в траву и истерически заплакала.

Федя тоже протянул голову.

У воробья была отстрелена голова. И пушок и перья были забрызганы кровью. Но не это было страшно. Страшно было другое. На брюшке не было перьев. Вместо брюшка и груди был один страшный сплошной сухой и красный волдырь: этот воробей еще раньше был подстрелен, и теперь образовалась опухоль, и воробей жил и летал с этой опухолью, пока Боба не подстрелил его окончательно.

Федя мизинцем потрогал волдырь. Он был жесткий, как доска.

– Я с тобой больше не играю.

– И рыбу ловить не будешь?
– И рыбу ловить не буду. Никогда не буду.
Федя потихоньку пошел к себе. У него было спрятано два рыболовных крючка.
Потихоньку он вынул крючок и стал шупать его острие.
Потом со всей силой глубоко вонзил его себе в большей палец.
Пошла кровь. Вынуть крючок было невозможно.

* * *

В одну из суббот опять приехал папа. Он привез Нелли чудесный подарок: два огромных листа бумажных кукол, которые надо было вырезать и наклеить на картон. Каждая кукла имела несколько платьев. Платья тоже надо было вырезать, и их можно было надевать на кукол. Все на свете было забыто для этих кукол.

Нелли вырезала, Федя клеил. Федя наделал деревянных чурбашек, чтобы куклы стояли. Теперь Нелли была опять счастлива: она опять могла любить. Она целовала каждую куклу, она укладывала их в постельки, утром она их одевала. Потом к куклам приходили гости, и им надевали праздничные белые и розовые платья.

Три дня продолжалось это счастье.

Однажды утром в комнату вошел Боба.

– Хотите, я сделаю, чтобы ваши куклы танцевали?

– Как танцевали?

– Так, они будут танцевать.

– На ниточках?

– Без всяких ниточек. Они будут танцевать сами. Вы только будете смотреть.

Нелли не верила. По ее мнению, лучше не надо, чтобы они танцевали.

– А как ты это сделаешь?

– Это мой секрет.

– Нет, не надо. Я не хочу.

– Не хочешь? Ну, они в один прекрасный день у тебя все-таки затанцуют.

В этот день обед запоздал. Из трубы валил дым, но дрова были сырые. Нелли и Федя играли в песке.

Они увидели, как кухарка прошла в сарай за щепками и стружками. Вдруг из верхнего окна, где была кухня, высунулась голова Бобы.

– Идите скорее сюда, на кухню, ваши куклы уже танцуют. Скорее, скорее!

Нелли не знала, радоваться ей или бояться. Она вихрем понеслась вперед, Федя – за ней.

Еще на лестнице он услышал страшный крик Нелли.

Да, куклы танцевали. Боба поставил их на горящую плиту. Они ежились, свертывались, падали, прыгали и уже частично почернели.

Нелли не бросилась на своих кукол. Она с плачем выбежала, Боба побежал за ней.

На нем была сабля, и в руках было игрушечное ружье.

Ружьем он нацеливался на Нелли. Нелли думала, что это пистолет, что Боба хочет ее убить, как воробья, и кричала так, как могут кричать только дети, когда они боятся. Они выбежали в сад, Федя – за ними. Он побежал наискось и встретился с Бобой у клумбы. Если Нелли дошла до пределов возможного для человека ужаса, то Федя дошел до пределов человеческой ярости. Он, как тигр, набросился на своего брата, сшиб его с ног и молча, закусив губу до крови, стал наносить ему быстрые удары обоими кулаками.

IV

Жизнь проходит не по годам. Она проходит по дням, которые есть, и таких мало, и по дням, которых нет, которые приходят и уходят, не замеченные никем, – и таких тысячи.

Для Феде нет зим. Зима проходит как сон. Но когда можно выйти без пальто, это уже день жизни.

В эту весну ему исполнилось девять лет. В это лето поехали на взморье.

Федя выбежал за забор. Он стал пересыпать белый и сухой песок из руки в руку. Он собирал ракушки, рыл колодцы и канавы и вдруг спросил:

– А где же море?

– Да вот оно.

Как? Это море? Он не заметил моря. Только через месяц, когда он сидел на холмике и смотрел сквозь сосны, которые чернели на красном от заката небе, он между двух сосен заметил блеск и вдруг сказал: «Море». С этого дня он запомнил море и стал слушать его шум.

Сад был отгорожен высоким глухим забором от соседнего сада. Было только одно место, где можно было встать на пень и посмотреть в соседний сад.

То, что было в соседнем саду, было лучше всяких сказок, лучше всего, что он видел или о чем слышал.

По саду тянулись ровные дорожки, посыпанные белым песком. Дорожки вели к дому и к морю. Белая стена дома была скрыта за густой сиренью, за липами, плакучими березами и красным кленом. Росли светло-голубые елки, каких он никогда не видел раньше. Трава была подстрижена. По утрам садовник подстригал ее особой машинкой, которой он водил взад и вперед. Он приносил в дом большие букеты самых необыкновенных цветов. Весь сад был усеян цветами, и в клумбах горели стеклянные шары. Из дома часто слышалась музыка. Тихие звуки раздавались над цветами и дорожками. Хотелось плакать от счастья.

В таком саду не могли жить обыкновенные люди.

Люди, которые там ходили, всегда были в белом. Иногда они собирались на лужайке и какими-то короткими, круглыми лопаточками перебрасывали через сетку белые мячи.

С улицы забор был низок. Сквозь выкрашенную в зеленую краску с белыми остриями можно было видеть все. Но Федя никогда даже не поворачивал головы, проходя мимо сада. Этот сад был его секрет, и посмотреть туда было стыдно. Только потихоньку он простаивал часами на пне и смотрел туда.

Но однажды, когда он проходил мимо сада с Нелли, к забору подошли две девушки в белых полудлинных платьях.

– Нелли, приходи к нам в четыре руки играть.

Как? Они знали Нелли...

Девушки с любопытством смотрели на Федю. Они не отходили от забора и о чем-то говорили с Нелли.

Федя не смотрел на них. В одну секунду он увидел все. Одна была светловолосая, с маленькими голубыми глазами. У нее были полные, бледные щеки и толстые губы. Она была низенькая, полная, и все ее движения были ленивы. Но глаза смеялись, и она в разговоре двигала плечами. У другой были черные волосы и черные глаза. Она была выше, стройнее. Густые косы венком были обвиты вокруг головы. В зубах она держала белую розу и сердито смотрела на Федю.

– Федя, поздоровайся. Это Агнеса, а это Мелитта.

Федя приподнял фуражку, покраснел так, что больше краснеть уже нельзя было, и очень неловко шаркнул ногой, как его учила Рыжая. Агнеса засмеялась и своими пухлыми, белыми руками стала поправлять косы. Она перебрала их через плечо и стала перевязывать ленты.

Мелитта не улыбнулась. Она гордо посмотрела на мальчика, вынула изо рта розу и с скучающим видом стала вдыхать ее аромат, спрятав за розой весь подбородок и рот. Федя увидел на лбу складку и белый пробор в черных волосах наклоненной головы.

Федя считал неприличным смотреть, но хотелось смотреть так всю жизнь. Хотелось смотреть, и глаза уходили совсем в другую сторону, на дорогу, по которой шел шарманщик. Сердце сладко зануло, как будто кто-то приподнял его над землей; было почти больно.

– Федя, попрощайся.

Федя опять приподнял фуражку и опять шаркнул ножкой.

Хотелось молчать, но Нелли стрекотала, как сорока.

– Они зовут нас играть в теннис. Они хотят нас научить, и чтобы ты пришел и Боба.

– Пусть Боба пойдет, а я ни за что не пойду.

– Почему?

– Так, не пойду.

– Ты влюбился! Ха-ха-ха. Он уже влюбился. В которую же ты влюбился?

– Отстань.

– Нет, ты скажи. В Агнесу?

– Отстань!

– Значит, в Мелитту?

Этот разговор продолжался всю дорогу.

* * *

День тянулся медленно. Федя ждал ночи, чтобы уткнуть голову в подушку. Ночью, когда все уснули, он присел в постели.

– Которую я люблю? О, Мелитту. Мелитта, Мелитта, Мелитта! Какое странное, какое красивое имя!

Он видел ее не более трех секунд. Он взглянул на нее не более трех раз украдкой, но он знал ее всю, всю. Он видел разрез ее глаз, немного косой, как у татарки. Он видел влажные, черные глаза, тонкую переносицу, нежные ноздри, ушедшие в белую розу. Он видел складку у шеи, когда она поворачивала голову, и видел тяжелые черные волосы. Голова ее наклоняется. Может быть, это она наклоняется над ним. Сейчас он услышит трепет ее сердца. Руки его тянутся к ней. Но глаза ее смотрят строго и нисколько не улыбаются. Там, у забора, она держала себя прямо, и в этих широких плечах, в этих суженных глазах, в этом проборе и в том, как она держит спину, он пьет себе боль, боль, ужасную боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.